

ВИКТОР
БУРЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НЕ ПЛАЧЬ ПО МНЕ, АРГЕНТИНА

Виктор Бурцев

Не плачь по мне, Аргентина

«Автор»

2008

Бурцев В.

Не плачь по мне, Аргентина / В. Бурцев — «Автор», 2008

Ушедшие от возмездия нацистские преступники во главе с безумным оккультным доктором фон Зеботтендорфом, укрывшись в Аргентине, жаждут реванша. На сей раз их оружием стали результаты страшных экспериментов с человеческой психикой, основанные на древней индейской магии. Сотрудник советской разведки Антон Ракушкин и журналист Константин Таманский затевают опасную игру с целью разрушить планы нацистов. Однако противостоять им придется не только тайной полиции и повстанцам-террористам, но и чудовищным существам с противоположной стороны реальности.

© Бурцев В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
6	16
7	19
8	22
9	24
10	26
11	28
12	29
13	32
14	34
15	36
16	38
17	41
18	44
19	46
20	49
21	52
22	55
23	59
24	62
25	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Виктор БУРЦЕВ

НЕ ПЛАЧЬ ПО МНЕ, АРГЕНТИНА

1

1976 год.

В этом году умер Поль Робсон. А босс боссов американской мафии Карло Гамбини отпраздновал свой семьдесят четвертый день рождения. Национализировали нефтяную промышленность в Венесуэле. Хорхе Луис Борхес получил в Чили Большой Крест Бернардо О'Хиггинса, и левые сурово осудили его за «поддержку пиночетовской диктатуры». На своем дне рождения Джеймс Маккартни изрядно напоил сына и просил его что-нибудь спеть. А «Красная Звезда» назвала Маргарет Тэтчер «Железной леди», и кличка, что называется, приклеилась. Стив Джобс и Стив Возняк официально зарегистрировали фирму со смешным названием «Яблоко». В городе Уфа родилась Земфира Рамазанова, но на это тогда мало кто обратил внимание, потому что умер Мао Цзедун.

Вообще год выдался непростой, как, впрочем, и все остальные. В мире назревал очередной кризис, несмотря на то что СССР и США договорились не испытывать атомные бомбы более ста пятидесяти килотонн, а Москву посетила Индира Ганди. Международное положение оставалось сложным. Одни страны разорвали дипломатические отношения с другими, а это что-то да значит. Кому-то на этой мутной волне повезло, например Великобритания дала больше автономии Шотландии и Уэльсу, а Аркадио Мигель ухитрился выскочить из окна второго этажа и не сломать ноги. В темноте улочки Лаварден это само по себе было большой удачей. Он приземлился на четвереньки, перекатился через голову. Мелкие камешки больно царапнули по голой спине и ягодицам. Аркадио, пригибаясь, кинулся к стене дома и замер в темноте. Он чувствовал, как вечерняя прохлада заставляет мышцы подрагивать, а сердце тяжело бухает в груди.

Тишина.

Скрипнула створка окна. Аркадио затаился, стараясь вжаться в стену. Что-то с легким хлопком мягко ударило его по лицу и плечам. Он вздрогнул, но потом сообразил: одежда! С глухим стуком рядом упали ботинки.

– Мануэла! Что ты делаешь там у окна? – Грубый, наполненный недоверием мужской голос заставил Аркадио замереть.

– Душно, – раздраженно ответила женщина. – Мне душно, Хосе...

– Могут залезть воры, – недовольно проворчал мужчина, но окно закрывать не стал. Старый толстый Хосе Коррехидор, шеф полиции района Парк Патрикос, не тешил себя иллюзиями относительно верности молодой супруги, но поймать ее с поличным... увы, не удавалось. – Грязные воры или марксисты. Чертовы марксисты... Давно надо поставить решетки.

Он тяжело протопал по скрипучим доскам пола. Хлопнула дверь.

Аркадио Мигель, посмеиваясь, натягивал брюки. Ирония заключалась в том, что «чертов марксист» только что выпрыгнул из окна ненаглядной Мануэлы, выпрыгнул и остался цел, здоров и доволен. Бурный роман с этой черноволосой красоткой с широкими, полными страсти бедрами, приносил двойную пользу. Помимо своего щедрого на любовь тела, Мануэла с легкостью отдавала любовнику всю информацию, которую умудрялась получить от болтливового мужа. Знакомство, полезное во всех отношениях.

Аркадио оделся, перемахнул через невысокую ограду и быстрым шагом двинулся в сторону бульвара Аманцио Алькорта, где даже самой глубокой ночью не утихает движение, и шумные толпы праздных гуляк шатаются туда-сюда в поисках развлечений или просто чтобы убить

время. Туристы или какая-нибудь богема, прожигатели жизни. Таких людей Аркадио Мигель презирал и не понимал. Для него жизнь была коротким, ярким мигом, в который необходимо уложить, втиснуть множество событий и действий. Чем больше, тем лучше. Чтобы никто не мог сказать потом, что он, Аркадио Мигель, прожил отмеренный ему срок зря.

На бульваре он поймал такси и через полчаса уже был на улице Сан-Хосе. Откуда пешком, часто оглядываясь и прислушиваясь, добрался до небольшого, погруженного в темноту переулка Святой Терезы и постучал в ничем не примечательную дверь.

Через некоторое время послышались шаги, и заспанный голос спросил:

– Кто?

– Мигель.

– Какой Мигель?

– Из Сан-Хосе.

Дверь приоткрылась – ровно настолько, чтобы гость мог проскользнуть внутрь.

– Все чисто? – спросили в темноте прихожей.

– Чисто, – ответил Аркадио. – Ты меня знаешь.

– Хорошо. Свет зажигать не буду.

Аркадио, осторожно ступая, нашарил в темноте крутую лестницу на второй этаж и бесшумно поднялся. В наглухо зашторенной комнате сидели пятеро. Тускло горела слабенькая лампочка.

– Пришел.

– Говори, не тяни.

– Десятое число, два часа дня, – сказал Аркадио. – Парк Колон...

2

Когда-то, лет пятьсот назад, на этот берег прибыли испанцы. Индейское племя керанди встретило дона Педро де Миндоса и компанию по всем законам гостеприимства. Испанцы основали поселение и всего за пятьдесят лет довели гостеприимных индейцев до ручки. Объединившись, племена кечуа и гуарани смели форт с лица земли. Но поколение конкистадоров оказалось на редкость упрямым, на дворе стояла Эпоха Великих Географических Открытий. Так что индейцы с их национальным самоопределением пришлось, как говорится, не ко двору. Почти сразу, по меркам того времени, через каких-то пару лет, на южно-американский континент прибыл десант под предводительством дона Хуана де Гарая, который, показав кечуа и гуарани, где раки зимуют, основал на старом пепелище новый город. И назвал его Вилья Санта Мария де лос Буэнос-Айрес. На этом про будущую столицу Серебряной страны благополучно забыли. Население по этому поводу сильно не переживало, занимаясь в основном прибыльным делом – контрабандой. Но время оказалось не благосклонно к испанским грандам, постепенно задвинув их на вторые роли. И вот уже нелепый английский выскочка завладел морями. И вот уже колонии заговорили о независимости. И Испания, чувствуя запах жареного, превратила Буэнос-Айрес в укрепленный аванпост в южной части Атлантики со всеми вытекающими из этого решения последствиями. Помогло не сильно. Потому что уже через несколько лет Аргентина получила независимость. Однако вложенные испанской короной песеты пошли в рост, и Буэнос-Айрес оставался самой крупной, шумной и блестящей столицей во всей Южной Америке – аж до самой Второй мировой. Но на волне мировых потрясений резко поднялась Бразилия, разбогатела Венесуэла, а там и Куба показала могучему северному соседу крепкую загорелую фигу, выдвинувшись на политическую передовую. Аргентина медленно и неуклонно сдавала позиции. Превращаясь в тихую по латиноамериканским меркам гавань, наполненную шедеврами колониальной архитектуры в стиле барокко и множеством художников, лучших, как утверждают сами аргентинцы, на всем южно-американском континенте. Учитывая все это, совсем не удивительно, что именно Аргентина стала местом, куда в 1943 году устремились из Европы самые умные, в 1944-м – те, кто поумнее, а в 1945-м – те, кому повезло. Самые невезучие остались в бункере неподалеку от Рейхстага.

Большие пароходы везли людей. А бесшумные и опасные подводные лодки перевозили через океан нечто иное. Архивы. Те самые ценные бумаги, отсутствие которых сильно расстроило особый отдел ОГПУ, занимавшийся, помимо вопросов научного шпионажа, тем, что официальная политика Партии величала мракобесием.

Часть бумаг переправить не удалось. Что-то перехватили американцы, кое-что получили русские. Несколько подлодок просто исчезли. Что поделаешь? Океан... Но все-таки архивы оказались там, куда их направили. И если бы правительство президента Перона знало, какую свинью оно подкладывает своей стране, легализуя у себя подтянутых, дисциплинированных и далеко не бедных эмигрантов, оно бы в полном составе ушло в отставку. Но... В любом случае вышло так, как вышло. Люди, документы и деньги Анненербе осели в Серебряной стране.

Как выяснилось позднее, Аргентине это на пользу не пошло.

3

В небольшой комнате было душно и накурено. Человек пятнадцать-двадцать, точнее знала только секретарь, которая вела запись собрания, набились в комнатенку три на четыре и едва не сидели друг у друга на головах. Окно для проветривания в целях конспирации было решено не открывать, хотя оно и выходило во внутренний дворик.

– Товарищи, товарищи! – Кристобаль, не имея колокольчика, стучал по столу кулаком. – Товарищи!

Никакой реакции. «Марксистский актив» разошелся не на шутку. Казалось, что каждый старается просто перекричать остальных, напрочь забыв о цели собрания.

И только странный гость из Комитета сидел молча в нелепых черных очках и идеально отглаженных – стрелка острая, как нож, – брюках. Хотя Кристобаль, сам член Комитета, никак не мог припомнить, где и когда этого странного парня приняли в организацию. Впрочем, эта мысль не казалась важной.

– Товарищи!!! Да что же это такое! – Кристобаль Бруно потряс отбитой ладонью.

Крики начали смолкать. Вскочила, яростно тряхнув короткими волосами, Леонора.

– Товарищи! Я считаю, что решение по поводу акции в парке Колон – это незрелое решение. Мы не можем вот так просто...

– Решение принято не нами, а Комитетом.

– Значит, и Комитет не подумал! В таких вопросах нельзя пороть горячку! И почему акцию должны осуществлять мы?!

– Мы наиболее активная и многочисленная группа, и всем это хорошо известно. Так что ты предлагаешь?

– Предлагаю все обдумать, взвесить... Проанализировать какие-то другие пути!

– У нас нет времени, – простонал Кристобаль. – Времени до десятого осталось совсем немного...

– А я говорю, что в парке Колон нельзя проводить такую акцию! Могут пострадать простые люди. Может пострадать историческая часть города, в конце концов!

– А еще может пострадать Педро Санчес, палач и убийца! – с места закричал Рудольф. – Я считаю, что это важнее!

И снова заорали все.

– Товарищи! – поднял руки Кристобаль. – Я вас прошу... товарищи! – Наконец рассви-репел и он. – Ну, хорошо! Я заставлю вас меня слушать!

Он рывком выдвинул ящик стола, и в его руке оказался револьвер. А еще через мгновение тяжелая и страшно холодная рука человека из Комитета легла Кристобалью на плечо, намертво припечатав его к стулу.

– Не стоит, – тихо, с легким акцентом прошептал гость.

Странно, но председатель Бруно услышал его во всеобщем гомоне так же хорошо, как если бы тот говорил в полной тишине.

«Кто он такой? – Кристобалью показалось, что ответ на этот вопрос очень важен. Но в помещении было слишком накурено, душно. – Чертовщина...»

Где-то на задворках сознания всплыли чьи-то слова. Он жмет руку странному товарищу. «Наш иностранный друг... Большая помощь... Консультации...» Но кто представлял человека в черных очках? Где? Было ясно, что свой, но кто?..

Не снимая обжигающе холодной и твердой руки с Кристобаля, гость встал.

Актив умолк.

– Путь революции – не простой путь. – Гость говорил тихо, но так, что каждое ухо слышало его и внимательно ловило каждое слово, каждый звук. Его хотелось слушать. Кристобаль

даже задрожал, когда он сделал небольшую паузу. Так женщина дрожит от нетерпения, когда умелый любовник приостанавливается, чтобы подогреть ее желание. – В нем есть место всему: лишениям, трудностям, опасностям. Все тяготы долгого пути. Люди, идущие дорогой революции, часто не видят результатов своих действий. В этот момент можно запаниковать. Наделать ошибок. Опустить руки. Свернуть с дороги. Или испугаться.

Леонора, молодая и яркая, обиженно вскинулась. Но промолчала. Именно она являлась самым горячим противником идеи террора, считая его тупиковой ветвью революции. И где-то Кристобаль ее понимал.

– За этот страх вам не должно быть стыдно. Ведь это страх крови. Вы честные, горячие молодые люди. Именно вам будет принадлежать будущее этой страны. Или даже всего мира. Каким оно будет, решается сейчас и здесь! Не в залах президентского дворца. Не в парламенте, где сидят болтуны и бездельники. А здесь. В этой маленькой комнате. От того, что вы решите, зависит ваша жизнь, но это не главное. От этого зависит жизнь целой страны! Ваши споры – это споры вашего народа! Ваши страхи – это страхи народа! Ваши решения – это решения народа! Сейчас угнетенного, нищего, униженного. Но в будущем... Хотя дело не в этом. Вопрос сейчас стоит по-другому. Будет ли будущее у народа Аргентины? Испугается ли народ Аргентины крови и ответственности? Не бывает революции в перчатках...

И он снял очки.

Все, что произошло после этого, Кристобаль вспомнил только за минуту до расстрела. Но это, конечно, ничего не могло изменить.

4

В мастерской царило радостное оживление.

Хотя мастерской эту комнату можно было назвать с большой натяжкой. Подвальное помещение, до половины заваленное огромными рулонами с желтоватой бумагой, которые больше всего походили на пузатые бочки. Склад типографии, хозяин которой имел марксистские взгляды и закрывал глаза на то, что происходило на его территории. Эти рулоны каждое утро выкатывали через широкие ворота хмурые от недосыпа и перепоя рабочие. И каждый вечер все те же усталые ребята привозили новые бочки с бумагой. Получали свои монеты и тратили их в ближайшем кабаке. Откуда утром приползали на работу – злые, с больной головой и красными глазами. Таких парней меньше всего интересовало то, что происходит за горами бумажных рулонов и куда ведет маленькая дверца с обратной стороны склада.

Этот подход устраивал и соратников Аркадио Мигеля, и хозяина типографии, и самих рабочих, за будущее счастье которых боролись в тесноте мастерской молодые марксисты.

Несколько столов были аккуратно поделены на различные зоны.

На одном собирали детонаторы. Этим занимались молодые девушки – те, у кого наиболее чувствительные пальчики. Необходимо было свести маленькие пороховые заряды таким образом, чтобы не пережать их и вместе с тем не наделать лишних щелей в корпусе, куда могла бы уйти сила взрыва и пороховые газы. Детонатор должен был дать точный, сильный толчок будущему взрыву.

Рядом два парня колдовали над механизмом дистанционного подрыва.

И третий, задвинутый в самый дальний угол комнатки, стол был полностью занят главным участником грядущего праздника.

Динамит.

Говорят, что, когда Альфред Нобель придумывал замечательное средство для горных работ, прокладки тоннелей и разработки карьеров, он и не подозревал, каким образом будут использовать его детище наделенные фантазией потомки. Скорее всего это просто байка, выдуманная людьми, желающими представить этого изобретателя исключительно белым и пушистым. Сложно себе представить, чтобы Нобель был настолько слеп и тупоумен, чтобы не понимать последствий. Хотя другая распространенная придумка гласит, что физики-ядерщики тоже не ведали, что творят, и занимались исключительно высокой наукой. Опасный это народ, ученые.

Два заряда по шесть шашечек в каждом. Огромная разрушительная сила, скрытая в невзрачных цилиндриках.

Согласно плану, взрывы должны были прогреметь в северном конце импровизированной трибуны, где располагались наиболее высокопоставленные гости. В том числе и Педро Санчес, глава местной контрразведки. Садист, убийца и палач. По крайней мере, те, кто попадал к нему в руки, неминуемо раскалывались. Для Санчеса не существовало таких крепких орешков, которых он не мог бы раскусить. Порой в прямом смысле этого слова.

Заодно с Педро Санчесом должны были отправиться в мир иной его первый заместитель и глава полицейского управления. Та еще сволочь. Плюс разные деятели из политической элиты Буэнос-Айреса. Все, как один, кровопийцы и эксплуататоры, собравшиеся на ежегодный праздник победы при Рио-Колорадо, где закованные в железо испанцы на заре колонизации Аргентины уничтожили последнюю крупную стоянку индейцев кечуа. Ежегодным этот праздник стал всего пару лет назад. Особым указом жены бывшего президента Перона, Изабеллы¹. Злые языки из приближенных к первой и единственной леди страны сообщали, что, видя

---

¹ Изабелла Перон – вторая жена президента Перона.

недовольство народа, Изабелла решила увеличить количество праздников и выходных дней. Как она выразилась, для поднятия национального духа.

Получилось не совсем так. В пышных и ярких праздниках принимали участие все те же кровопийцы и эксплуататоры, то есть политическая и экономическая элита. Вид радостно улыбающихся и сытых рож не способствовал поднятию национального духа. Скорее уж наоборот. Так что праздники из народных гуляний выродились в красочные шоу для специально приглашенных гостей.

Учитывая все это, Крестобаль Бруно не слишком мучился угрызениями совести, когда планировал террористическую акцию. Борьбаться вот так, с оружием в руках, через кровь и смерть, казалось ему честнее, чем просиживать штаны в марионеточном парламенте, пытаясь доказать власть имущим свое право на жизнь. Хотя кто-то предпочитал именно такой способ, считая революционную борьбу делом грязным.

К сожалению, таких людей было предостаточно и в Комитете, и в Марксистском активе. Поэтому решения часто тормозились и любая работа превращалась в подобие фарса. Впрочем, за последний год ситуация явно изменилась в лучшую сторону. Действия монтонерос стали более решительными. Взрывы и выстрелы теперь никого не удивляли, но акция такого размаха планировалась впервые. Аркадио Мигель, положив руку на сердце, сомневался в том, что Комитет даст добро.

Но он дал.

И Актив подтвердил. Терракт будет. Решение принято единогласно.

Удивительное единство.

5

Когда-то он был красив. Но время сделало свое дело. Жаловаться, правда, было грешно. В условиях, когда ты скрываешься от всего мира, лучше, когда твои старые фотографии не соответствуют действительности. Хотя он и постарался, чтобы фото тех времен не осталось вообще.

Сейчас он более всего походил на себя кинематографического. Полный, лысоватый, с круглым лицом чудаковатого добряка. Глядя на него, очень трудно было сказать, что руки этого приятного семидесятилетнего старика едва ли не по локоть в крови...

С улицы, через раскрытое настежь окно, доносился какой-то мотивчик. Что-то легкое, не то румба, не то самба – за долгие годы, проведенные в этой сравнительно тихой стране, он так и не научился разбираться в музыке. Близкие сердцу каждого мюнхенца тирольские напевы остались далеко в прошлом, а привыкнуть к зажигательной румбе он не смог. Хотя казалось бы...

Так же он не смог привыкнуть к местному пойлу, продававшемуся на каждом углу, и потому пил водку. Русскую. Которую доставал за бешеные деньги.

– Вы, Рудольф, все никак не наиграетесь? – спросил он, отпив из бокала, где обжигающая водка плавила лед.

– Это не игрушки, Генрих, – ответил тот, к кому он обращался. – И не называйте меня так.

– Конспирация? – Генрих усмехнулся.

– Как хотите. Я предпочитаю думать, что тот Рудольф умер в сорок пятом.

Рудольф не изменился почти совсем. Бывает такой тип людей, которые будто бы консервируются в определенном возрасте. А может быть, штучки, с которыми играло в свое время Общество Туле, все-таки что-то да значили. Сухой, поджарый, с копной волос и все с тем же бесноватым огоньком в глазах за толстыми линзами очков. Этот взгляд Генрих помнил хорошо, в сорок четвертом, когда стало плохо с продовольствием, от Рудольфа, казалось, остались одни только глаза...

– Так оно и было, так оно и было, – вздохнул Генрих. – Отсутствие бумажки означает отсутствие человека. А на вас, мой дорогой, никаких бумажек нет даже у меня. Так что беспокоиться не о чем...

– Вы хотите сказать, что ваши архивы у вас?! – Рудольф задохнулся.

Генрих усмехнулся и замахал руками.

– Вы с ума сошли! Остаься архивы у меня, я не прожил бы и двух дней! Бумаги в надежном месте. И моя жизнь является гарантом того, что они не всплывут где-нибудь... В районе Палестины.

– Господь с вами!

– Со мной, со мной... Как там говорят русские? Мы все под колпаком у кого? – И Генрих весело засмеялся. – Так что если вы хотели мне предложить что-то, любезный Рудольф фон Зеботтендорф, то подумайте. Далекое не каждое предложение может меня заинтересовать. Тем более если оно изложено в какой-нибудь неправильной форме...

Рудольф стоял у двери, привалившись к белой стене. Непослушными пальцами он расстегивал ворот рубашки.

– Вам плохо? – поинтересовался Генрих. – Выпейте водки. Она бодрит. От коньяка у меня по-прежнему сонливость...

– К черту водку, группенфюрер... – просипел фон Зеботтендорф. – К черту. Мне не рекомендовали ходить к вам, но я все же пошел...

– Кто не рекомендовал? – с самым невинным видом спросил Генрих.

Рудольф не ответил. На его побледневшее было лицо возвращались живые краски.

– В любом случае, – прошептал фон Зеботтендорф, – это не имеет значения...

– Что не имеет значения? Что вы там бормочете? Сядьте, наконец, к столу! – Генрих с грохотом отодвинул стул от большого круглого стола, стоявшего в центре комнаты.

– Спасибо.

Они сели. Рудольф осматривался вокруг, словно до этого момента он ничего не видел в этой комнате. Высокие потолки. Лепнина. Фисташковые дорогие обои. Везде виньетки, завитушки, барокко. Изящная белая мебель. Высокие окна. Дорогая квартира...

– Кажется, я понимаю, – пробормотал фон Зеботтендорф. – Кажется, я понимаю.

Генрих удивленно осмотрелся.

– Ах, вот вы о чем... – Он засмеялся. – Достаток, друг мой, не проблема. Да и вы, я полагаю, не бедствуете?

– Не жалуюсь.

– Так о чем же вы хотели поговорить?

– Если честно, – Рудольф откинулся на спинку стула, – я не знаю, стоит ли говорить с вами, но... Но вы нужны нам.

– Нам?

– Нам, – повторил Рудольф убежденно. – Людям, которые еще помнят величие германской нации! Людям, которые знают, к чему должно стремиться человечество!

Он запнулся. Генрих вытирал слезы кружевным платочком. И смеялся...

– Рудольф! – выдавил он, задыхаясь. – Рудольф, пощадите старика! Это очень смешно! Очень! Через столько лет все те же песни!.. А то я уже начал уставать от этой бесконечной латиноамериканской румбы...

– Это очень серьезно, Генрих.

– Не смешите меня! Серьезно? После Третьего рейха?! Поверьте мне, фон Зеботтендорф, я патриот. Я, может быть, больший патриот, чем вы. Я люблю Германию. Я люблю ее историю и знаю о ней значительно больше, чем все припадочные паралитики вашего Зиверса. И я вам скажу, что большего величия, чем в годы Третьего рейха, у Германии не будет больше никогда. Никогда, Рудольф! И нет смысла устраивать клоунаду!

– Мне известно ваше отношение к работам нашего Общества...

– Ах, оставьте! – Генрих раздраженно встал. Стул царапнул по паркету. – Вспомните, в каком ведомстве я служил! Все эти ваши поиски полой земли, все эти... Аферы! Шиты белыми нитками.

– Вы случайно не слышали о теории червячных переходов, Генрих? – Тон фон Зеботтендорфа неожиданно изменился. Он улыбнулся, будто услышав добрую весть, закинул ногу на ногу. – Перспективная, не лишенная революционных настроений мысль в современной физике. Я вам как-нибудь расскажу, и вы, может быть, перемените свое отношение к той экспедиции и вообще к нашим разработкам. Древнее знание, дорогой Генрих, древнее знание, это не просто сказки или пустая болтовня. Это шифр! Который следует разгадать. И величайшее умение исследователя состоит в том, чтобы отделить басню от закодированного послания в будущее.

– Все это слова. Слова и ничего больше. Если бы ваши теории были хоть в чем-то верны, мы бы сейчас сидели в Кремле. Или в Белом Доме... Или еще где-нибудь, а вокруг был бы Тысячелетний рейх! И наши, слышите, Рудольф, наши ракеты несли бы свастику на другие планеты! Неужели после сорок пятого вы все еще настолько слепы, чтобы верить в свои же побасенки?

– А вы ничего не слышали про инков?

– Про кого? – Генрих, казалось, был удивлен этим поворотом разговора. – Про кого?

– Про инков. Была такая древняя цивилизация, как раз в этих местах, где мы с вами находимся. – Тон фон Зеботтендорфа стал чуточку поучающим. – Многочисленные храмы, пирамиды и прочие памятники старины есть в Перу, Парагвае, но не в Аргентине. Удивительно, правда? Хотя есть свидетельства, что здесь они бывали. Существует интереснейшее пророчество...

– Боже мой, Рудольф!

– Погодите, погодите! – замахал руками тот. – Дайте я скажу вам, а дальше уж сами решите.

Генрих махнул рукой и отвернулся к окну.

– Согласно этому пророчеству, расшифрованному, кстати сказать, при личном участии столь нелюбимого вами Зиверса, есть некая точка во времени и пространстве, откуда можно... Скажем так, действия, начатые из этой точки, обречены на успех. Мы называем ее точкой всех начинаний. В пророчестве сказано о Последней Войне, которую поведет Вождь, захвативший точку всех начинаний. Война неминуемо приведет его к власти над миром. Он покорит все народы и племена, и, обратите внимание, континенты. В пророчестве инков, в древнем тексте, упоминаются другие континенты. Хотя известно, что инки не знали дальнего мореплавания!

– Или Зиверс недостаточно хорошо овладел их языком... – пробормотал Генрих под нос, но Зеботтендорф услышал.

– Исключено. Данные проверялись несколькими учеными. Проверялись и перепроверялись!

– А кто у вас, простите, на должность Вождя? – С хитрым прищуром Генрих посмотрел на гостя. – Вы же не просто так мне тут рассказываете об инках и прочей белиберде. Вы же верите в это, не правда ли? Так кто же Вождь? Уж простите, Зеботтендорф, но после фюрера найти кого-то на эту должность... очень непросто. Время великих людей прошло. Прошло. Достаточно посмотреть вокруг, чтобы убедиться.

– Наш Вождь – это германский народ!

– Вы просто сумасшедший. – Генрих вздохнул и покачал головой. – Не бывает вождей с таким именем. Если вы и дальше собираетесь пудрить мне мозги, я укажу вам на дверь. В конце концов, это просто хамство – считать меня таким идиотом.

– Хорошо, хорошо. Скажем так: раз вам противна моя высокопарность, германский народ приведет к победе фон Лоос.

– Этот выскочка?!

– Этот инициативный офицер, – поправил его Зеботтендорф. – Вспомните его операцию в Африке, а еще раньше в Финляндии...

– Которые закончились полным провалом.

– Человеку в тех случаях противостояло нечто большее...

– Еще бы! – фыркнул Генрих.

– Напрасно иронизируете.

– Видите ли, Рудольф, если все то, что вы мне рассказали, правда, то вас следовало бы расстрелять. Я, вероятно, со временем становлюсь мягкотел. Но все эти последние Войны, все эти... – Генрих сделал движение, будто стряхивал что-то с пальцев. – Эти кровавые игрища стали мне не по сердцу. И если есть такое место, эта ваша точка всех начинаний... то ее следовало бы использовать совсем иначе. Или, что еще лучше, не использовать вообще.

– Забавно. Именно так инки и рассудили. Они не селились в этих местах, никаких крупных поселений. К тому же обнесли это место зоной табу.

– Ах, так это здесь... – Генрих развел руками. – Тогда я понимаю...

Фон Зеботтендорф поморщился и стрельнул глазами куда-то в угол. Генрих, впрочем, этого не заметил.

– Это только доказывает мудрость древних цивилизаций.

– Или то, что они не были достойны такой ответственности! – Рудольф стукнул кулаком по столу.

– Вы опасный человек, Зеботтендорф. И стали еще более опасны с возрастом. Маразм, наверное. Не знаю, понимает ли это фон Лоос или вы ухитрились и ему запудрить голову.

– Это можно понимать как окончание нашей беседы?

– Да.

Фон Зеботтендорф встал и направился к дверям. Уже взявшись за ручку, он обернулся.

– Конечно, жаль, что...

Точно в лоб Рудольфу смотрело дуло пистолета.

– Черт возьми, зачем вы повернулись? – раздраженно проговорил Генрих. – Я действительно размяк. Застрелить человека в спину мне теперь значительно проще.

Зеботтендорф побледнел, но тем не менее произнес:

– У вас не получится, Генрих. Мне жаль, что я должен прибегнуть к такой мере.

– Опять вы бредите... – с брезгливой миной начал было хозяин дома, но тут произошло то, чего он совершенно не ожидал.

Что-то твердое вдруг ударило Генриха под локоть. Рука с пистолетом ослабла, и «вальтер» покатился по паркету.

– Черт возьми!

Рука была парализована, но больше всего Генриха испугало не это. Совсем рядом стоял молодой человек в светлом костюме, такой же светлой шляпе и темных очках, хотя Генрих мог бы поклясться, что никто, кроме Рудольфа, в комнату не входил.

– Жаль, очень жаль, – вздохнул Зеботтендорф.

И молодой человек снял очки.

6

Если предположить, что ноосфера – реальность, то из этого логическим путем может следовать, что каждая более или менее оформившаяся мысль имеет отношение к истине. В той или иной степени, конечно. Чаще всего это относится к различным афоризмам, потому что именно их можно отнести к «ноосферным пробоям». Короткая, хлесткая фраза, наполненная смыслом. За все время существования человеческой цивилизации в ноосфере накопилось изрядное количество мусора, который тоже иногда просачивается наружу и оседает в человеческих головах, рождая частенько удивительных и страшных уродцев в виде религиозных сект, новомодных идеологий и социальных движений. Однако когда человечество еще было юным, из «области всех знаний» выходили удивительные, мудрые и правильные мысли. Не поэтому ли так ценятся работы античных философов?

В свое время Марк Туллий Цицерон сказал, что глаза – это зеркало души. И оказался прав. Так же, как был прав, говоря: «Каждому свое». Вне зависимости от того, над воротами какого заведения был потом вывешен этот афоризм.

Люди бывают разные, и далеко не у каждого в душе растут цветы любви. И потому черные очки далеко не всегда надевают, чтобы защитить глаза от солнца.

В 1929 году, на ночном просмотре фильма «Дарлин и карлики», с таким человеком столкнулся фон Зеботтендорф. Точнее, он обратил внимание на этого странного человека, который совсем не интересовался нехитрым сюжетом замысловатого порно, а пристально оглядывал зал. Через черные солнцезащитные очки.

«Стукач? – подумал Зеботтендорф. – Но что делать стукачу в ночном кинотеатре, куда ходят только развратные парочки, скрывающиеся любовники и извращенцы? А может, чей-нибудь муж хочет прихватить на горячем свою женушку? Но для чего ему очки? В темноте зала...»

Рудольф, чья тогдашняя пассия не пришла на свидание, от скуки начал присматриваться к странному человеку. Когда же сеанс закончился, Зеботтендорф осторожно, стараясь не слишком явно прятаться, но и на глаза не попадаться, двинулся за психом, как он окрестил чудака. Тот где-то на середине киноленты обратил внимание на неряшливо одетую женщину, одну из тех, кто, растеряв прелесть молодости и так и не найдя очарования зрелости, ищет спасения в крайне сомнительных удовольствиях, опускаясь все ниже и ниже. Псих следовал за женщиной буквально по пятам. Вскоре она заметила преследование, но вместо того, чтобы убежать или выйти на людное место, остановилась.

Рудольф осторожно ушел в тень, туда, куда свет от уличных фонарей проникал едва-едва, и принялся наблюдать.

Мужчина и женщина обменялись какими-то словами. Из укрытия Зеботтендорф не слышал, о чем они говорили. Потом женщина громко рассмеялась. Смех был хриплым и громким, будто карканье вороны. Псих подошел ближе. Они снова заговорили. Женщина пыталась кокетничать. Он взял ее за руку и повел в сторону переулка, где скрывался Зеботтендорф. Женщина чуть пошатывалась, и Рудольф понял, что она пьяна.

Парочка остановилась совсем неподалеку от Зеботтендорфа.

Женщина что-то говорила заплетающимся языком. Рудольф не вслушивался, эта старая потаскуха его совершенно не интересовала. А вот мужчина вел себя исключительно странно. Он прижал свою партнершу к стенке, та совсем не сопротивлялась. Поначалу Зеботтендорф даже подумал, что имеет дело с очередным прелюбодеем, любителем слегка перезрелой клубнички. Но мужчина не делал ничего, что обычно делается в такие моменты. Он только не давал женщине отойти от стены, ходил вокруг, рассматривал ее, но старался без надобности не при-

касаться. Та, казалось, не замечала ничего странного. Болтала что-то про сестру, которая живет в деревушке на Рейне, про ее мужа...

Зеботтендорф осторожно выглянул.

Странный тип в очках подошел к женщине поближе. Теперь он осторожными касаниями дотрагивался до нее, до груди, до живота. Буквально кончиками пальцев. В этом не было ничего эротического. Так падающий трогает мертвое животное, проверяя, не оживет ли, не вскочит...

Женщина, казалось, пьянела все больше и больше. Язык уже почти не слушался ее, ноги подкашивались, глаза смотрели бессмысленно, тупо. А псих подходил все ближе. Его пальцы скрючились, ногтями он медленно царапал участки открытой кожи женщины.

Наконец псих схватил женщину за подбородок и поднял лицо вверх. Другой рукой он сорвал с себя темные очки.

И тогда престарелая любительница развлечений закричала. Точнее, коротко вскрикнула, мужчина успел зажать ей рот ладонью. Женщина извивалась, дергалась, пыталась оттолкнуть психа от себя, хотя он ничего ей не делал. Только смотрел. Пристально и в глаза.

Зеботтендорф никак не мог понять, что же происходит. Парочка была видна ему достаточно хорошо. Он видел руки мужчины. Тот только держал голову женщины и закрывал ей рот. Ни ножа, ни пистолета. Да и сам псих не издал ни звука.

«И что делать? – в панике думал Рудольф. – Звать полицию? Что я им скажу? Вмешаться?»

Он прикинул телосложение незнакомца и свои шансы. Надо отметить, что шансы были. В молодости фон Зеботтендорф неплохо боксировал. Но...

Но Рудольф страшно хотел знать, что же все-таки происходит.

И предчувствие... Знакомое ощущение чего-то приближающегося, огромного, по-настоящему серьезного. Так уже было несколько раз, и Зеботтендорф научился доверять своему чутью.

Он понял, что не станет вмешиваться, и с удвоенным интересом принялся наблюдать.

Наконец женщина затихла, перестала сопротивляться и обмякла. Мужчина отпустил ее, и тело медленно съехало по стене вниз. Голова свесилась набок, из уголка рта потянулась к земле тонкая струйка слюны.

Псих стоял над телом, покачиваясь и дрожа. Наконец он вздрогнул и принялся лихорадочно оглядываться, ища что-то.

Рудольф уже знал, что ищет странный незнакомец. Очки. Черные солнцезащитные очки, которые от резкого толчка улетели точно ему под ноги. Зеботтендорф осторожно поднял их, удивившись весу, и вышел из темноты.

– Простите, вы не это ищете?

Псих обернулся.

Женщина медленно наклонилась вперед и ткнулась лицом в камни мостовой.

Зеботтендорф понял, что она мертва, перевел взгляд на мужчину и остолбенел.

На него смотрели глаза чудовища.

Нет! На миг ему показалось... На самом деле это чудовище смотрело на Зеботтендорфа глазами странного человека. Глаза ведь – это зеркало души. Всего лишь зеркало...

Сытое и страшное чудовище...

О существовании этих людей не знал никто.

Они не светились в архивах. Они не проходили по спецдокументации. Всегда жили по подложным документам. Зеботтендорф положил на это много сил и денег. Большая часть того, чем занималось Анненербе и Общество Туле, было прикрытием для людей с уродливой, чудовищной душой. Многие из них работали в концентрационных лагерях, выискивая себе подобных, ставя дикие, выходящие за грань разумного опыты.

Но после краха Третьего рейха уцелели единицы. Кто-то погиб, кто-то сошел с ума. Кто-то был захвачен в плен. Участь последних была особенно страшна.

Покидая пылающую Германию, Зеботтендорф не переживал. Погибшая Империя, уничтоженные мечты, работа, все это было слишком... слишком материальным. Суета. Не более того.

Зеботтендорф увозил с собой нечто большее. Настоящий секрет. Секрет Души.
И черные очки.

7

Яркая, пестрая толпа двигалась по парку. Грохотала музыка. Впереди на огромном, сделанном из фанеры коне ехали сразу три девушки в одежде из перьев, они махали руками и что-то кричали. За конем двигалась поставленная на грузовик огромная повозка, где на пьедестале стоял усатый господин в кирасе с большой бутафорской алебардой и указывал рукой направление движения. По замыслу сценаристов всего действия этот человек должен был символизировать собой Хуана де Гарая, основателя Буэнос-Айреса. Позади него крутили павлиньими хвостами смуглокожие танцовщицы. Вообще женщин, одетых и не очень, было множество. Они танцевали, несли огромные букеты бумажных цветов, кидали конфетти и серебристые яркие ленты, в которых путались зрители, в основном туристы.

Мужчины шли молча, обычно помогали что-то нести или изображали какую-то историческую личность. Как Хуана де Гарая или его противника, вождя индейцев. Вождь вдыхал пары бензина и выплевывал на зажигалку облака пламени.

Через специально расставленные колонки гремела музыка. Оглушительно хлопали небольшие петарды, и взлетали блестящие ракетки.

Ярко, нарядно. Весело.

Если смотреть глазами туриста – рай. Без забот и волнений.

Собственно, Константин Таманский и был туристом. Насколько может быть туристом корреспондент газеты «Правда», приехавший собирать материал для книги о Че Геваре.

В Буэнос-Айрес Константин прилетел позавчера. В первую очередь сходил в посольство, где имел долгую и небезынтересную беседу с атташе по культуре, а потом отсыпался, компенсируя разницу во времени. Выйдя в город, он не ожидал увидеть что-либо интересное, но вот попал на карнавал и сейчас радовался как ребенок или как советский турист, что часто одно и то же.

Завтра он наметил пойти к дому, где Че Гевара родился и жил в юности, чтобы сделать несколько снимков и поговорить с соседями. Потом проехать по местам, важным для известного революционера, которых в Аргентине было на самом деле не так уж много. Другое дело Куба или Боливия, куда Константин и собирался направиться после Аргентины. Все визы были уже получены, отели забронированы. Но не потратить день на праздное шатание по городу было невозможно. Все-таки... Буэнос-Айрес!

С трибун демонстрантам махали люди. Видимо, какие-то важные персоны, судя по охране, пышно разодетым женам и объемистым животам. Костя сделал несколько снимков. Книга книгой, а статья для той же «Правды» могла получиться замечательная. Например, о сытых представителях правящей верхушки, которые проводят время...

Додумать Таманский не успел.

Десятью минутами ранее.

Аркадио Мигель, как говорилось выше, был человеком решительным и стремился наполнить свою жизнь событиями. Эта черта характера и привела его, когда-то давно, в подполье. Рабочий в одном из многочисленных корабельных доков, он попал под сокращение и вскоре лишился квартиры, оказавшись на улице. После манифестации, которую разогнала конная полиция, он попал в больницу, где волей случая и познакомился с Мануэлой Коррехидор, закрутив долгий и яркий роман, в котором без стеснения выполнял роль альфонса.

Вообще на женщин ему было плевать. Хорошо, когда они есть, даже очень хорошо, но как можно относиться к женщине, которая спит с любовником, а в соседней комнате храпит ее супруг?

Но почему-то именно к Мануэле Аркадио ощущал теплоту. Может быть, из-за ее низкого, страстного голоса, может быть, из-за того, что она в постели отдавалась ему вся без остатка... Или тот запах пота, которым наполнялась комната, где они занимались любовью, был насыщен чем-то особым?.. Трудно сказать.

В любом случае, когда Аркадио Мигель посмотрел в бинокль, его рука, до того уверенно лежавшая на рубильнике, дрогнула и ослабла. Он даже сделал пару шагов назад от окна.

– В чем дело? – поинтересовался Хорхе Луис – человек, который всю ночь занимался установкой взрывных зарядов и у которого теперь тряслись руки. – Что-то не так?

– Все... – начал было Аркадио. – Там...

– Что ты мямлишь?

К окну подошли и другие товарищи. Кто-то положил руку на плечо Аркадио. Тот прокашлялся.

– В чем дело? – более настойчиво спросил Кристобаль. Это был, что называется, человек с прошлым. По происхождению кубинец, он когда-то воевал вместе с самим Фиделем. Отражал американский десант в заливе Свиной. Уничтожал армию Батисты. Но потом, после Карибского кризиса, он в чем-то не сошелся с генеральной линией партии и был вынужден покинуть родину, чтобы бороться, как он сам выражался, за счастье всего мирового пролетариата. Где заниматься этим, ему было все равно. Почему бы не в Аргентине?

– Там человек... – Аркадио Мигель вдруг почувствовал, что в горле образовался влажный и густой ком, который не проглотить. – Там, на трибуне...

Кристобаль, или, как его называли товарищи, Кристо, взял бинокль и выглянул в окно.

– Где?

– Там... Сзади... Это женщина.

– Красное платье?

– Нет, золотое. Золотое, облегающее. – У Аркадио начисто перехватило дыхание. Он помнил, как вместо этого платья по изгибам тела скользили его руки. Полные бедра, крепкие длинные ноги и кожа, восхитительная смуглая кожа. Мануэла Коррехидор.

«Этот жирный остолоп говорил ей, говорил ей! Говорил, что его пригласили! Я же забыл! Жирный боров! – билось в голове у Аркадио. – Тупой жирный боров притащил ее на трибуну!»

– И что? – холодно поинтересовался Кристо.

– Это та женщина, которая дает нам информацию, – горячо заговорил Аркадио. – Она помогает нам. Нельзя взрывать. Нельзя. Я вытащу ее оттуда. И тогда... Она наш товарищ!

– Она прежде всего жена Хосе Коррехидора. И помогает нам только потому, что ты с ней спишь. Я думаю, что она даже не знает, кто делит с ней постель, – ответил Кристо и подвел Аркадио к окну. – Посмотри туда. Что ты видишь?

– Людей, – ответил тот и поразился, каким мертвым стал его голос.

– Еще?

– Людей. Конфетти. Петарды. Перья. Яркие одежды. Женщин...

На последнем слове голос Аркадио Мигеля дрогнул.

– А еще? – безжалостно продолжал Кристо.

– Еще... Трибуны.

– А на них?

– Людей...

– Нет, товарищ. На них стоят кровопийцы. Эксплуататоры и убийцы. Они пьют кровь нашего народа. Они жиреют на его слезах и поте. Они продают нашу страну американцам. Они готовы продать нас всех. Эти мясники! И когда нас станут увозить в клетках, куда-нибудь на потеху другим мясникам, эти поставят кресла поудобней, чтобы лучше видеть наши страдания. Ты видишь палачей, которые мучают Аргентину. И их женщин, которые берут наших мужчин к себе в постель для развлечения. Им просто больше нечего хотеть! Вот что ты видишь, Аркадио.

Кристо положил его руку на рубильник.

Аркадио даже не почувствовал прикосновения деревянной рукоятки. В его ушах стоял гул, а перед глазами плавало густое море. В памяти осталась только она. Ее гибкие, нежные руки, в которых надежно и хорошо. Ее стоны. Волосы. Дыхание.

– Ты сам был для них мясом. Тебя самого выкинули с работы. И из дома. Твоя мать умерла в нищете. Твой отец сгинул в корабельных доках. Ты один из многих, Аркадио. Вся Аргентина сейчас стоит за твоей спиной и требует ответа! Требует! Услышишь ли ты ее?! Твоя Родина со слезами смотрит на этот праздник! На эти хлопушки и перья! Это карнавал перед постелью умирающего! Слышишь, Аркадио?! Слышишь?!

Едва понимая, что делает, Аркадио утопил рукоять рубильника. Чтобы прекратить, оборвать этот голос, эту боль в гудящей голове.

Где-то в толпе зевак Константин Таманский щелкнул фотоаппаратом.

А-а-ах!!!

Взрывной волной опрокинуло бутафорскую телегу с мужчиной, изображавшим Хуана де Гарая. Танцовщицы попадали вниз, индейский вождь опрокинул на себя бутылку с бензином и вспыхнул как спичка. Вслед за ним загорелись декорации, но оглушенные и раненые люди не видели огня. Погибших и изуродованных было много.

Где-то в визжащей и кричащей толпе метался советский журналист, вытаскивавший перепуганных танцовщиц из пылающих декораций. Он что-то кричал на плохом английском, то и дело утирая со лба кровь. Пытался пиджаком сбить огонь с загоревшегося грузовика. И этим своим поведением сильно отличался от своего американского коллеги, который все щелкал, щелкал и щелкал фотоаппаратом. И только потом, видимо опомнившись, кинулся на помощь какой-то девице, бившейся в истерике над актером, изображавшим Хуана де Гарая. Испанская кираса была смята, пышные усы залиты кровью.

На месте трибун дымилась огромная воронка, где сгорела и вознеслась чадным дымом на небеса единственная настоящая любовь Аркадио Мигеля.

8

– Боже мой, дорогой Генрих! Что с вами сделал этот фокусник Зеботтендорф?

Голос звучал глухо, словно бы через плотный слой ваты.

В горле стоял плотный комок. Даже дышалось с трудом. «Хуже, чем в Мюнхене в тридцать третьем», – подумал Генрих и сделал попытку подняться.

Его тут же подхватили под локти чьи-то заботливые руки. Перед глазами плавали радужные круги.

– В самом деле, Рудольф. – Голос прозвучал осуждающе. – Неужели нельзя было как-то... более уважительно? Вы имеете дело с живой легендой.

– Никогда не слышал, чтобы легенды стреляли из пистолета, – ответил из радужного марева голос Зеботтендорфа.

– Поверьте мне, дорогой Рудольф, в наше время легенды стреляют и из более крупного калибра. С легендами вообще надо обращаться осторожно, никогда не знаешь, что у них за пазухой – пистолет или атомная бомба. Ну, как вы себя чувствуете?

Генрих прокашлялся. Маревое перед глазами постепенно начало светлеть.

– С кем имею честь беседовать?

– Да уж, Зеботтендорф, вы перестарались, – после озабоченной паузы ответил кто-то. – Ему память не отшибло случаем? Иначе в чем смысл?

«Значит, смысл все-таки есть, – подумал Генрих. – Стало быть, не шлепнут просто так. А может?.. Нет. Зеботтендорф не такой идиот, чтобы работать на евреев. МОССАД его первым подвесит к потолку в случае чего... Ничего, ничего. Мне бы в себя прийти. Вроде и голос вернулся. Только что за пелена перед глазами?»

– Нет-нет, память не должна была пострадать...

– Я надеюсь! И уберите, наконец, свой идиотский платок! Я чувствую себя разговаривающим с мумией.

Что-то коснулось лица Генриха, и цветастая пелена исчезла с глаз. Он сощурился и быстро огляделся.

Небольшая комната, скорее кабинет. Темное дерево на стенах, скорее всего дуб. Имперская, ставшая классической, обстановка. Острые резы на мебели, то ли руны, то ли какие-то угловатые рисунки, то ли надписи шрифтом, мало изменившимся со времен Иоганна Гуттенберга². Сам Генрих сидел перед широким массивным столом все того же темного дерева, в кресле с высокой и довольно неудобной спинкой. Рядом, вертя в руках нелепый цветастый платок, стоял Зеботтендорф, а напротив, удобно усевшись в кресле, сидел... Генрих присмотрелся. В голове замелькали фотографии, строчки отчетов.

Фон Лоос.

– С кем имею честь? – Генрих сделал вид, что не узнал его, но фокус не прошел.

– Ах, – Лоос откинулся на спинку, – узнаю старую закалку! Бросьте, всем известно о вашей уникальной памяти. Если не ошибаюсь, последний раз мы с вами виделись у вас в кабинете, и разговор был не из приятных. Вспоминаете?

– Сразу же после неудачной операции в Африке.

– Ну, в некотором смысле она подтвердила некоторые выкладки наших... – Лоос покоился на Зеботтендорфа, – ученых.

Генрих тоже посмотрел в сторону Рудольфа, но ничего не ответил.

– Вот теперь вы в моем кабинете. Можно сказать, у меня в гостях. Я надеюсь, разговор у нас получится более продуктивный.

---

² Иоганн Гуттенберг – немецкий первопечатник.

Барон был прежним. Толстый, важный, с ласковыми глазами и прямым орлиным носом, словно случайно прилепившимся на добродушной физиономии толстяка. Пугающее сочетание.

– Нельзя сказать, что я напрашивался на приглашение.

– Хо! – Лоос весело хохотнул. – Так ведь и я не по собственному желанию заскочил тогда в ваше ведомство. Так что будем считать, что с приглашениями мы квиты. Что же касается остального... Я побуду вашим должником. Здесь вы только гость. Вы можете располагать на этой вилле всем.

– Всем? – Генрих удивленно поднял брови и указал на телефон. – Даже этим?

– Чем угодно. – Фон Лоос развел руками. – Германское гостеприимство.

– Не бойтесь, что я позвоню в полицию?

– Вздор. – Хозяин виллы отмахнулся. – Вы слишком умны для этого. Так что... никакого контроля с моей стороны.

– Какая вам в этом выгода?

– Вы прекрасный собеседник. Не то что наш уважаемый доктор. – Лоос кивнул на Зеботтендорфа. Тот возмущенно хмыкнул. – Не обижайтесь, Рудольф, но вы решительно не способны говорить ни о чем, кроме дел. Безусловно, важных, но... надо же находить и удовольствие в жизни. Так что, Генрих, я просто не могу себе позволить просто так отпустить вас.

«Ага. Вот и основное правило. Комфортабельная тюрьма».

– Честно сказать, я сомневаюсь, что буду для вас настолько интересным собеседником. Я старик, да и вы, впрочем, тоже. Хотя и выглядите на много лет моложе.

– Поверьте мне, я и чувствую себя так же.

– Возможно.

– И вы будете таким же. – Фон Лоос развел руками. – Если, конечно, захотите. Но... – Он встал. – У вас может сложиться ложное впечатление, что я вас агитирую. Все сами увидите, все сами поймете. И составите обо всем свое собственное мнение. Не стану вас утомлять.

Генрих поднялся вслед за Лоосом.

– Где моя комната?..

– Здесь. Вот там, за дверью, большая спальня. Другая дверь ведет в коридор, где круглые сутки дежурят слуги, если вам чего-либо захочется, обращайтесь к ним. Захотите прогуляться – пожалуйста. Вам все покажут. Телефон... – фон Лоос кинул на Генриха взгляд, в котором тот прочитал многое, – внутренний. Отдыхайте, а то я знаю эти зеботтендорфовские штучки, после них требуется прийти в себя. Осваивайтесь. Я зайду к вам ближе к вечеру. – Фон Лоос подмигнул Генриху заговорщически. – У меня есть кое-что из винного погреба...

9

Революция.

Какую все-таки огромную роль в истории человечества играет то, каким образом произносятся слова.

Попробуйте это слово на вкус. Это камешком катящееся «р» в начале и затухающее «я» в конце. Сколько силы можно вложить в обыкновенные значки, всего-то числом девять! И сколько страха... От чего это зависит? Где та точка, когда сила переходит в страх? И где то место, где страх превращается в силу? Всего-то одно слово... А сколько вопросов.

А теперь «р» мягко и после «л» на выдох... Так облегченно разгибаются согнутые спины. Так утирают пот со лба те, для кого труд уже не радость и не право, а рабская обязанность. Сколько чувства в одном слове!

Это слово все произносят по-разному. От испуганного шепота обывателя, через торжествующий рев поднятых кулаков, до сытой усмешки толстосума.

Революция никого и никогда не оставляет равнодушным. Она вызывает злобу, восторг, страх, ужас, воодушевление, опасение, презрение. Но только не равнодушие.

С этим словом на устах французы бросали в реку французов и рубили головы на площади. С этим словом они снесли Бастилию и учредили Республику. Русские сбросили царя, пережили голод и ужас Гражданской войны, выстроили огромную Империю – и все под кровавым знаменем Революции. Немцы в Киле и Мюнхене поднимались на бунт с криками «Свобода и Революция». Нищие оборванцы, зажатые жирующим кровопийцей до предела, сбрасывают в море десант огромной державы только потому, что в их сердцах бьется упругим ритмом: «Революция!»

Звон денег, вкус крови, запах пороха. Все это сплавлено, перемешано, скручено в одном только слове.

Для Кристобаля Бруно революция была смыслом жизни.

В ней смешалось все. Любовь. Страсть. Ненависть. Мечта о светлом будущем. Настоящая, не на словах. Товарищ Кристо отличался от многих болтунов из Комитета, которые только и могли, что трепать языком о пользе для трудящихся масс и правах человека. Кристоаль понимал, что без передела всей системы, как в отдельной стране, так и во всем мире, ничего путного из бумажек и говорильни не получится. А значит – надо что-то делать. Руками, не гнушаясь грязи и крови. Потому что революцию в перчатках не совершишь.

И Бруно делал. В его организации состояло более сотни человек. Очень многих товарищ Кристо знал лично. Не все из них, правда, об этом догадывались. Максимум, что мог знать член группы из пяти человек, это имя своего секретаря, а тот, в свою очередь, имя связного из другой группы. Каждый за себя, один Бруно за всех. Колоссальная работа, которая возможна, только когда полностью посвящаешь себя борьбе. Нет женщин, нет детей.

Люди Кристобаля были раскиданы по всей Аргентине. Они собирали информацию, работали почти во всех представительствах различных гуманитарных фондов, вели агитационную работу в армии, полиции и даже среди многочисленных банд. Иногда Бруно нравилось представлять себя головой осьминога, чьи щупальца расходились в разные стороны, проникая повсюду. В детстве он любил смотреть, как рыбаки-пескадоры ловят этих существ, от одного вида которых по телу прокатывается дрожь, а потом слушать истории про гигантских спрутов, утягивающих лодки под воду.

Теперь Кристоаль чувствовал, что крепко держит Аргентину в своих щупальцах. И не один. Множество организаций охватили страну, уставшую от вялой власти жены мертвого президента, от бедности и бесцельности существования.

Благодатная почва, в которую когда-то упали зерна марксистской идеологии, дала щедрые всходы. Но народ... Народ, за счастье которого боролись монтонерос, не был готов поддержать восстание. Это понимали все. Пример соседних государств был показателен. И значит, народ надо было подтолкнуть.

Для этого годились все средства.

Эту мысль неоднократно повторял сам Кристобаль.

10

Когда десяток человек, одетых в форму национальной гвардии, ворвались на рынок в квартале Бальванера, никто не заподозрил ничего дурного. В последнее время в городе часто можно было увидеть солдат. После взрыва в парке Колон правительство ввело в городе чрезвычайное положение и вытасило армию из казарм.

«Хватит пролеживать бока, пусть поработают», – решили простые аргентинцы и махнули на мундиры рукой.

Солдатам эта затея тоже пришлась по нутру. Сменить скупой казарменный быт на прогулки по городу... чем же плохо? Патрулирование, если правильно подойти к этому вопросу, может доставлять удовольствие. К тому же благодаря активным действиям агентов влияния большая часть солдат относилась к марксистам с сочувствием. А значит, всегда была вероятность того, что патруль закроет в нужный момент глаза, и, с другой стороны, была гарантия, что никто не станет нападать на таких замечательных парней, несущих трудную службу.

Одним словом, военных никто не боялся. И когда десять человек, вооруженных винтовками «FARA», влетели через главные ворота, внимание на них обратила только ленивая дворняга, дремавшая в пыли.

– Марксисты! Монтонерос! – неожиданно громко заорали солдаты. – Выходите, подонки!

Рынок примолк в удивлении. Солдаты неуверенно топтались около входа. Первый порыв прошел, и теперь они не знали, что делать.

– Марксисты! – снова закричал одетый капралом.

– Что они делают? – поинтересовался торговец рыбой у соседа.

– Ловят монтонерос, – ответил тот.

– На рынке?

Его сосед, пожилой рыбак с длинными, как у сома, усами, только пожал плечами и обратился к капралу:

– Простите, сеньор... Вы ищете кого-то?

– Конечно, ищу, идиот! – рявкнул капрал. – Вы тут прячете революционеров! Выдайте их нам, и никто не пострадает!

– Каких революционеров, сеньор?

– Самых обычных! Тех, что взрывают людей! – Капрал рыскал взглядом по прилавкам, стараясь не вглядываться в лица. Его солдаты чувствовали себя неуверенно, жались за его спиной, словно собираясь убежать. – Выдавайте революционеров, или я начну обыск!

– Это незаконно! – вдруг воскликнула сидевшая неподалеку старуха в цветастом платке. Она торговала мелкой сушеной рыбешкой, которая подобно серебристым тонким макарони-нам была раскидана по ее лотку. – Кто вы такие?

Эта фраза словно послужила спусковым механизмом для капрала, который только и искал повод.

– Мы солдаты правительства! – визгливо закричал он и ударом ноги перевернул старухин прилавок. Рыбешка разлетелась в стороны. – Мы выполняем приказ!

Солдаты кинулись вперед, расталкивая продавцов, переворачивая лотки и топча товар. Поднялся невероятный шум. Все кричали, размахивали руками. Редкие покупатели спешили убраться подальше. Старики и старухи сбежались со всех сторон рынка и повисли на капрале с криками.

Кто-то из мужчин пытался сопротивляться, но сильные руки оттолкнули его. Солдаты в ярости разнесли прилавок смутьяна.

Крики и вопли продолжались до тех пор, пока капрал не выхватил из кобуры пистолет и дважды не выстрелил в воздух. Все замерло: перекошенное лицо военного, испуганные фигуры

продавцов, кто-то с фотоаппаратом... А потом, в этом застывшем мгновенье, та самая старушка, что торговала мелкой сушеной рыбешкой, вдруг сдвинулась со своего места. Приблизилась к капралу и ударила его ладонью по лицу.

В тишине, наступившей после выстрелов, пощечина прозвучала оглушающе громко.

– Старая ведьма... – процедил капрал сквозь зубы. – Я солдат правительства!..

– А мне плевать, хоть сам президент, упокой господь его душу, – и старушка плюнула.

Точно на блестящий армейский ботинок.

Капрал обезумел. И сделал то, о чем впоследствии сильно жалел.

Он ударил торговку рукой, в которой все еще была зажата рукоять пистолета.

Много ли ей было надо, той старушке? Может быть, она умерла бы сама, в тот же день.

Прямо за своим прилавком, упав лицом в сушеную рыбешку, которую покупали и тихонько воровали мальчишки...

Может быть, ей подошел срок?

Возможно.

Но вышло так, что умерла она от удара капрала, одетого в форму национальной гвардии. Умерла сразу. Просто осела мешком на пыльный камень Серебряного Города.

Толпа отшатнулась от солдат. За какую-то секунду они оказались в центре огромного круга испуганных глаз. Чужие и лишние.

– Ладно... – прошептал капрал, вытирая пот. – Ладно... Я солдат. Я выполняю приказ...

И они быстрым шагом покинули рынок.

Чтобы появиться во всех газетах, на первой странице под крупным заголовком: «Гвардейцы убивают горожан!»

11

Тем же вечером одна из этих газет, «Buenos Aires de la tarde», легла на стол атташе по культуре посольства Советского Союза в Аргентине.

– Читали, Антон Яковлевич? – поинтересовался атташе у посольского водителя.

Водителем Антон Яковлевич Ракушкин был действительно хорошим, хотя основной род его деятельности лежал в несколько иной области. Точно так же, впрочем, как и у атташе. Оба они были офицерами одной и той же организации, и пословица «Есть такая профессия – Родину защищать» была для них не пустым звуком.

– Читал, Юрий Алексеевич, – ответил Ракушкин.

– Что думаете на этот счет?

Капитан Ракушкин пожал плечами.

– Может быть, провокация, Юрий Алексеевич. На местных солдат непохоже. Они сами из тех же слоев...

– Согласен. – Яковлев, атташе по культуре, кивнул. – Может быть, и провокация. Только как-то уж очень топорно, не находите?

– Ну, во-первых, журналист мог сгустить краски. А во-вторых, есть же и человеческий фактор.

– Что, переволновался человек и старушку кокнул? Тоже мне Раскольников. А скандал-то крупный получился! На бульваре Конституции была попытка нападения на патруль. Солдаты стреляли в воздух. Кому, вы думаете, выгодно такое положение дел?

Ракушкин кашлянул.

– Я знаю многих представителей местного... э-э-э... подполья, для них это... как бы вам сказать – слишком. Хотя играет на руку именно им.

– Странно это, Антон Яковлевич. – Юрий Алексеевич еще раз пробежал глазами передовицу и отбросил газету. – И надо бы разобраться. Попробуете?

– Есть! – Капитан выпрямился в кресле.

– Я не приказываю, – мягко поправил его Яковлев. – Я прошу. Мы с вами сейчас не в Москве. Тут своя специфика. Так что вы попробуйте разобраться. Дело, в общем-то, не сложное. Просто необходимо получить информацию, не более того. Попробуете?

– Попробую.

– И поймите, хотя вопрос и невелик, но значение ему придается большое.

12

1853 год. Санкт-Петербург.

Нехитрая процедура.

В небольшую медную трубочку наливается два миллилитра нитроглицерина, и помещается все это в небольшой тигель, наполненный песком. Обрывок воспламенительной нити... Взрывом разносит и сам тигель, и толстую каменную плиту, служащую подставкой. В пыль.

Удивление и восторг зрителей, среди которых Эммануил Нобель и его сын Альфред. Оба поражены.

Профессор Зинин удовлетворенно кланяется.

1862 год. Хеленборг. Городок под Стокгольмом.

Эммануил и Альфред Нобели основали кустарное производство нитроглицерина.

Через год Альфред изобретает инжектор-смеситель, который делает процедуру производства более безопасной. Однако в сентябре 1864 года лаборатории в Хеленборге взлетают на воздух! Сто килограммов нитроглицерина сносят с лица земли производственный и складские корпуса. При взрыве гибнут люди, среди которых брат Альфреда, Эмиль. От пережитого горя Нобеля-старшего разбивает паралич.

Катастрофа не останавливает Альфреда. Он берет дело в собственные руки и продолжает опыты. Нитроглицерин производят по всей Европе, в том числе и в России.

В это же время многие ученые относятся к практическому применению нитроглицерина со скепсисом, указывая на его нестабильность и опасность.

Нобель ищет решение.

И находит его в 1867 году, смешивая нитроглицерин с кремнистой горной породой.

Новое вещество, безопасный взрывчатый порошок Нобеля, он называет динамитом.

В этом не было никакой случайности. Никакого случая. Протечки нитроглицерина и так далее... Нет. Только работа, долгие и опасные исследования.

А через десяток лет, в 1887 году, Нобель делает мощный бездымный порох, превосходящий взрывчатыми свойствами черный.

Эти два вещества, бездымный порох и динамит, собрали и собирают по сей день кровавую жатву по всему миру. Никто и никогда не считал людей, убитых пулями и разорванных динамитом. Атомная бомба, газовые камеры, бактерии, все эти ужасы и кошмары войны – всего лишь шалости перед человеком с динамитной шашкой в руке.

Атомная бомба слишком страшна, чтобы быть примененной. Газы не подчиняются ничему, кроме переменчивого ветра. А бактерии не знают границ и пределов.

И только изобретение Альфреда Нобеля несет смерть и разрушение по всему миру, одинаково легко уничтожая и революционеров, и угнетателей, и мирных людей.

Говорят, что открытие было случайным. Говорят, что все, чего добивался Альфред, это облегчение горных работ.

Нет, нет. Взрывать горы и строить туннели прибыльно, но не настолько. Больше всего денег приносит война.

Говорят, что булыжник – оружие пролетариата. Не верно! Динамит – настоящее оружие пролетариата.

Эту нехитрую истину понимал и Крестобаль Бруно.

В Буэнос-Айресе было несколько мастерских, которые производили взрывчатку. Все они были хорошо законспирированы и размещались в помещениях совершенно безобидных производств. Одно, где работал Аркадио Мигель, на складах типографии. Другое в портовых доках, где даже днем появляться было небезопасно, а полиция была куплена и перекуплена. И еще

одно в пригороде, на заднем дворе скобяной лавки. Последняя лаборатория была самой мелкой, там просто готовили сырье и ремонтировали оружие.

Ответом на рыночный погром стали развешенные по всему городу листовки, в которых говорилось все то, что обычно пишут революционеры. «Угнетатели». «Преступный режим». «Грядущая свобода». «Не останется без отмщения».

Заявление для прессы ушло в газеты, но ни одна редакция не отважилась напечатать этот текст. Поэтому «Открытое письмо» было развешено на всех столбах сразу же после того, как патрули прошли по городу и сорвали первую листовку.

Революционерам не нужно искать повод, чтобы кинуть бомбу. Но вдвойне приятно делать это, когда повод имеется.

Через сутки после того, как солдаты ворвались в ворота рынка, у КПП казармы, где располагалась национальная гвардия, на воздух взлетела начиненная взрывчаткой машина. Взрывной волной был уничтожен блокпост с часовыми и грузовик с провиантом. Осколками посекло автобус. Среди пассажиров были раненые – в основном рабочие, отрубившие смену на заводе.

Еще один взрыв прозвучал через несколько минут после первого. Разлетелась в клочья патрульная машина с солдатами.

Все время, пока гигантская шестеренка двигалась, перемалывая людей, Кристоаль Бруно сидел в баре и пил виски. Аксию со взрывом машины у казарм можно было назвать его победой. Самому Кристо не пришлось делать ничего, он только подтолкнул механизм, и огромный маховик сдвинулся со своего места. Маленькие винтики революции, люди, пришли в движение.

Но почему-то Кристо не ощущал триумфа.

Он пил дешевый, пахнущий сивухой виски. Морщился от удушливого запаха пота, казалось насквозь пропитавшего эту забегаловку. Какие-то матросы шумно кутили в углу, кто-то спал, упав на стол возле недопитой рюмки.

Неожиданно Кристо подумал, что его самого ждет такое же будущее. Допьет эту бутылку, начнет следующую, а потом сознание отключится, и он упадет. А очнется где-нибудь в подворотне с вывернутыми карманами. Чудная перспектива для революционера.

Он опрокинул еще стакан.

На душе было мутно.

Вообще запои случались с Кристоалем Бруно редко. Борьба не давала времени для таких слабостей. Но у каждого, даже самого сильного человека должна быть какая-то отдушина. Обычно это или наркотики, или алкоголь, или женщины.

Наркотики Бруно презирал. Они делали из человека раба, а именно рабство было главным врагом Кристоаля. От женщин тоже веяло опасностью. Они делали человека слабым. Например, Аркадио Мигеля, который из-за любви не мог взорвать трибуны. Оставался только алкоголь. Редко, но, как говорится, метко.

Бруно сидел лицом к двери, когда она распахнулась и в душное помещение вошла девушка. Она отмахнулась от матросов, приглашавших ее к столу, поморщилась и нашла взглядом Кристоаля.

– Только не начинай, – простонал Бруно, когда девушка решительно села напротив.

– Чего не начинать, Кристо?

– Того, что я пьян, что я... Ты знаешь, Леонора, я не пью просто так. И не пью часто. Сейчас я никому не нужен, все дела двигаются без меня. И от моего пьянства нет никакого вреда.

– Мне плевать на то, что ты пьешь. Мне это не мешает. Но мне не наплевать на то, что ты делаешь.

– Я тебя не понимаю, Лео...

– Отлично понимаешь! – Леонора стукнула кулачком по столу. – То, что ты делаешь, настолько безнравственно... Что я даже не знаю, зачем я пришла сюда.

– О чем ты?

– Ты уничтожаешь все. Уничтожаешь нашу мечту! Нашу борьбу! Идею! Как ты не понимаешь, что так... так нельзя?!

– Я по-прежнему тебя не понимаю. – Кристо налил себе еще виски.

Леонора вышибла стакан из его рук. Бруно поморщился и пододвинул к себе бутылку.

– Номер на рынке – твоих рук дело?!

Кристобаль вздохнул.

– Это были солдаты национальной гвардии...

– Вздор! Бруно, солдаты были в казарме. Не было никакого налета! Ты знаешь это не хуже моего! Солдат не было на рынке. Не могло быть!

– А с чего ты взяла, что я имею к этому отношение? Солдаты – нет, а я – да. Кто из нас пьян?

– Ты сам признавал, что народ надо подхлестнуть! Ты говорил, что провокации имеют право на существование! Ты приветствуешь террор! Ты к нему стремишься только потому, что хочешь отодвинуть Комитет! Тебе только повод нужен!

– Иди домой, Лео. Ты не в себе. И не понимаешь, что говоришь...

– Я отлично понимаю! – Леонора вскочила. Хотела еще что-то сказать, но только возмущенно фыркнула и метнулась к двери.

– Лео! – вдруг крикнул Кристобаль.

Она обернулась на мгновение.

– Я этого не делал... – сказал Бруно.

Хлопнула дверь. Девушка исчезла.

13

Конечно, Буэнос-Айрес – не самое безопасное место на земле, особенно ночью. Но для того, кто вырос в этих кварталах, нет ничего необычного или страшного. Словно сам город хранит своих обитателей. Да и любой грабитель знает, что с местного пешехода взять, собственноручно, нечего. Другое дело турист. Вот желанная добыча.

Леонора решительно свернула в неосвещенный переулок, который вел к берегу Ла-Платы. Это был короткий путь к дому. Хотя на самом деле она не знала, куда идет. Ноги сами несли ее.

Леонора плакала. Поэтому тени, вставшей поперек дороги, сразу и не заметила.

– Остановитесь. – Крепкое мужское плечо выросло на ее пути. Лео едва успела затормозить.

Сзади отлепились от стен еще двое.

– Не нужно спешить. – Голос говорившего был низким, тяжелым и будто бы с легким, неизвестным Леоноре акцентом.

– Что вам нужно? – Девушка отступила назад, потом сообразила, что таким образом движется точно в руки мужчин, подошедших сзади, и отпрыгнула к стене.

– Просто поговорить.

В руках одного из незнакомцев вспыхнул фонарик. Осветил лицо говорившего.

Обыкновенный мужчина. Усы. Морщины. Европейец. Приезжий?

– Я знаю про вас достаточно. Вы активистка Марксистского Комитета. Одна из немногих, кто входит в круг руководителей движения. Доказательств у меня хватит. Фотографии, записи, протоколы. Если хотите, я могу прямо сейчас отконвоировать вас в канцелярию тайной полиции. Они будут только счастливы. Поверьте мне, там сейчас примут любую помощь. Два взрыва подряд. Террористов не слишком жалуют все государственные службы. Желаете?

В тусклом свете фонарика было видно, как он издевательски изогнул руку, словно предлагая Леоноре прогулку.

– Подите к черту! Я не имею никакого отношения к тому, что вы говорите! – крикнула девушка. – Я буду кричать!

– И позовете полицию? – удивился незнакомец. – Тогда наша встреча, безусловно, закончится в тайной канцелярии. Выбирать, конечно, вам, но я бы не стал так рисковать. К тому же я не имею к вышеназванным организациям никакого отношения и скорее сочувствую вашим действиям. Мне просто нужен ваш ответ на вопрос.

– Какой, к дьяволу, вопрос?! – Леонора говорила громко, но все же не настолько, чтобы привлечь чье-то внимание. – Задавайте и убирайтесь!

– Кто устроил погром на рынке в Бальванера?

– Гвардейцы! – ответила Лео, но голос подвел ее.

– Каким, интересно, образом? – поинтересовался незнакомец. – Трудно устроить погром, находясь в это время в совершенно другом месте. Уж кто-кто, а вы должны были знать, что гвардейских патрулей не было даже близко от рынка. Давайте сделаем так: я забуду, что вы мне пытались соврать, а вы скажете правду.

– Кто вы такой? Я не могу говорить с кем попало.

– Если я назову имя, то что это изменит?

Его странный акцент не давал Леоноре покоя. Где же она слышала что-то подобное? Где?

– Вы немец?

– Не имеет значения... – начал было незнакомец, но Леонора опередила его:

– Русский! – И по тому, как дрогнуло на какое-то мгновение лицо человека, она поняла, что угадала. – Вы русский! Из СССР?!

– Даже если так, то что?

– Вы не отведете меня в полицию, вот что!

– Вот так номер! – Незнакомец развел руки в стороны. – Почему же? Из симпатии к вашим взглядам? Поверьте мне, я могу пойти и на большее...

– А если я вам расскажу... То... Мне может понадобиться помощь.

– Все, что смогу.

В переулке послышались шаги. Фонарик погас. Крепкие руки взяли Леонору под локти.

– Девушка, только не наделайте ошибок, – прошептал кто-то.

Прохожий приближался деловитым, уверенным шагом. Лео молчала, стараясь понять, что же ей делать дальше.

В нескольких шагах от Леоноры он остановился. Повертел головой. Его силуэт был хорошо виден на фоне освещенной улицы.

– Лео, – вдруг раздался голос, показавшийся девушке знакомым.

И она, сама от себя не ожидая этого, вдруг ответила:

– Я здесь!

Почувствовала, как напряглась чужая рука, как сдвинулись тени, окружавшие ее.

А потом прохожий вскинул руку, и что-то вспыхнуло в сумраке переулка. Грохота она уже не слышала. Просто в груди стало больно, и ноги сделались ватными.

– Держи суку! – крикнул кто-то.

Прохожий побежал. Две тени настигли его. Заваливаясь на бок, Лео видела, как жестко прохожий падает. Как ему крутят руки.

Внезапно стало светло-светло. Она ясно увидела все вокруг. Человека, который держал ее на руках, крича что-то своим подручным. Человека, который стрелял в нее. И так удивительно было видеть это лицо, знакомое и чужое. Потом свет стал уносить ее выше, выше... Было удивительно легко.

Над трупом девушки стояли трое. Еще один валялся в пыли, тоскливо скуля.

– Вот дерьмо, а! Делать-то что будем?

– С чем?

– Ну, с ней вот...

– Оставим. Местные позаботятся. Ей уже ничем помочь нельзя.

– А с этим? – Говоривший пнул скулящего.

– А с этим будет долгий разговор без свидетелей, – протянул тот, кто был, видимо, главным. – Так что взяли его под руки... И сделайте из него пьяного.

– Не проблема.

Двое подхватили прохожего, поставили прямо. Потом один из них резко ударил его в живот. Убийца захрипел и обмяк. Его подхватили и бодро потащили в сторону набережной. Ничего необычного – трое друзей волокут куда-то своего не в меру подвыпившего товарища.

14

– Ну, и что же мы будем со всем этим делать? – поинтересовался Яковлев, выйдя из подвала и выведя оттуда Ракушкина. – Двери тут, конечно, массивные и звуконепроницаемые. Старая постройка... Положим, с завхозом я переговорю. Подвал на некоторое время закроем, но это не какие-то там... застенки.

– Я понимаю, – кивнул Ракушкин. – Простите, но ситуация требовала решительных действий. Все, что я могу придумать...

– Погорячились, прямо скажем. Вы ставите нас в сложное положение. Скандала, я, как вы понимаете, Антон Яковлевич, допустить не могу и не допущу.

– Я понимаю.

– Потому выходит так, что если к вечеру у вас не будет каких-то результатов, то вы должны будете на свой страх и риск... – Яковлев повторил с нажимом, – на свой страх и риск решить эту проблему. Как и куда деть этого... человека, вам решать. Но если появятся какие-то сведения о том, что он... Ну, вы понимаете.

– Я понимаю.

– Да что вы заладили?! – Яковлев в раздражении всплеснул руками. – Какого черта он вообще тут делает?

– Это была ближайшая к месту событий квартира.

– А вы разве не знаете, что ни для кого в Буэнос-Айресе не секрет, что это здание принадлежит нашему посольству? Впрочем, может быть, и не знаете.

Яковлев двинулся вверх по лестнице. Следом за ним, выдержав дистанцию, пошел Ракушкин.

– Что там было с девушкой? – спросил «атташе по культуре».

– Активистка местного подполья. Достоверно известно, что она входила в верхушку и имела определенное влияние. Есть данные, что она имела свой взгляд по поводу известных нам событий.

– Это точно?

Ракушкин замялся.

– Точно, что имела. Она была возмущена скорыми действиями монтонерос и, кажется, собиралась требовать расследования.

– Об этом кто-то знал?

– Да, конечно, она делилась своими мыслями, если можно так сказать. Была очень возмущена и взволнована...

– А конкретно говорила что-либо?

– Нет. Несмотря на общую нервозность, в словах была очень осторожна. Именно поэтому я и взял того, кто ее застрелил, живым.

Они поднялись на первый этаж. Яковлев выглянул за дверь. Длинный коридор был пуст.

– Пойдемте покурим.

До курилки дошли в молчании.

Яковлев достал «Опал», а Ракушкин, чуть смущаясь, «Мальборо».

– Я тоже сначала их курил, – проворчал атташе. – Бурда она и есть... – Он чиркнул зажигалкой. – Тут можно говорить. – Яковлев покрутил сигаретой в воздухе. – Знаете что... Я думаю, что ничего вам не даст этот парнишка. По крайней мере, пока он тут, в подвале. Выглядит... как изрядный кретин. Может быть, косит, а может, такого нашли. Тут, знаете ли, и не такое увидишь. Для солидной медикаментозной обработки у вас нет времени. А без нее...

Он затянулся и сквозь облака дыма, прищурившись, посмотрел на Ракушкина.

– Вряд ли вы станете ему иголки под ногти загонять? Или, там, обрабатывать пальцы молотком?

– Ну, до определенной степени... – неуверенно ответил Ракушкин.

– До определенной степени это сработает только с адекватным клиентом. В нашем случае, уж извините, действенны только экстраординарные меры. А к ним, я так понимаю, вы не готовы. Морально. Это, знаете ли, очень сложно – уродовать психически нестабильного человека. Даже в застенках гестапо не все на это шли.

Ракушкин молчал, глядя в пол. Потом, затушив недокуренную сигарету, выпрямился.

– Если для дела требуется... – начал он решительно.

Но Яковлев замахал на него руками.

– Антон Яковлевич, хотите совет?

– Конечно, Юрий Алексеевич.

– Отпустите его.

– Как? Совсем?..

– Ну да, совсем. На хвост посадите кого-нибудь, и все. Да и то особенно не старайтесь.

Вы опыту доверяете?

– Безусловно.

– Так вот, опыт мне подсказывает, что максимум, что у вас получится из него выжать, это имя какого-нибудь Педро-наводчика. А сам Педро сидит на рынке, около порта, и торгует безделушками для туристов. Трясти этого латиноамериканского старичка смысла нет. За его спиной мафия, а если и нет, то скорее всего с ним все кончится, как с этой вашей девочкой, как ее... Линора?

– Леонора.

– Вот-вот. Шлепнут. Если уже не шлепнули.

– Да, но кто?

– Вариантов, кстати, мало. Именно потому что их немного, я вам и советую отпустить этого мерзавца. Хотя... – Яковлеву вдруг пришла в голову мысль. – Может быть, вы хотите э-э-э... Как бы это выразить?.. Осуществить правосудие? Это тоже вариант, сплавьте сумасшедшего в ближайший канал, и черт с ним. В конце концов, убивать женщину – это грязно. В полицию сдавать не советую...

– Гхм... – Ракушкин с сожалением посмотрел на лежащую в урне недокуренную сигарету. – Я не собирался...

– Что угодно, то и делайте. Я могу только посоветовать. Так вот... Вариантов немного. Первый: убийцу послали какие-то третьи силы, никак не связанные ни с монтонерос, ни с властями. Этот вариант мы отмечаем, он тупиковый и нас, по большому счету, не интересует. Второй: убийц послали власти. Леонора подошла к какому-то моменту этой мутной истории и стала опасна. Вариант сомнительный, но небезнадежный. Во-первых, погром на рынке свалили на деятельность властей. Форма солдат убедила всех лучше, чем вся агитационная работа марксистов. А во-вторых, власть практически не контролирует монтонерос. Уж что-что, а подполье тут реальное. Поэтому воздействовать на революционеров можно только глобальными акциями, но не точечными ударами. Однако при этом сбрасывать этот вариант со счетов не станем. И третий: девушку шлепнули свои. Это наиболее вероятно, и вы сами, Антон Яковлевич, это отлично понимаете. Девушка узнала что-то такое, чего знать не должна была. У местных камарадос есть нечто такое... чего им, вероятно, стоило бы стыдиться. И знаете, Антон, мне очень нужно знать, что же такое скрывают эти марксисты, взрывающие бомбы около солдатских казарм. Вы меня понимаете? Я дам вам один контакт, обратитесь к нему. Человек старый, но... надежный.

15

После похорон люди долго не расходились. Крестобаль потерянно стоял поодаль, прильнув спиной к огромному черному подножию какого-то памятника. Кладбище было настолько старым, что многие заброшенные могилы теперь использовали по второму кругу. Больше повезло склепам и монументам, они относились к архитектурным ценностям. Среди многочисленных туристов находились любители прогуляться в тиши могил.

Сейчас Крестобаль Бруно от всего сердца ненавидел этих жирных толстосумов, для которых чужое горе становится объектом туристического интереса. Хотя если подумать, то Крестобаль ненавидел сейчас всех. И себя в первую очередь. У него были для этого все основания.

В кладбищенской тишине отрывисто каркали вороны, и голоса звучали приглушенно.

– Нашли в переулке...

– Пуля...

– Полиция молчит... Никого не найдут...

– Еще бы... Сами и убили...

Бруно закрыл глаза и заткнул ладонями уши. Сжал голову до боли.

Он стоял так долго. Пока бешеное желание вытащить пистолет и начать стрелять направо и налево не ушло...

Кто-то дотронулся до его локтя.

– Кресто, это неизбежно. – Рядом стоял Рауль. – Возьми себя в руки. Мы будем терять людей. Мы возьмем под свой контроль расследование ее смерти. Все будет по закону.

«Болтуны», – подумал Крестобаль, но открыл глаза и пожал руку Рауля.

– Спасибо. Я и не предполагал ничего иного.

Рауль кивнул. Приподнял шляпу и ушел шаркающей стариковской походкой, загребая пыль дорожки.

– Революция не терпит стариков, – прошептал Крестобаль в удаляющуюся спину.

Рауль Ловега будто услышал. Остановился и обернулся.

Кресто вздрогнул. Старик не мог расслышать его шепота. Не мог, но... Бруно криво улыбнулся. Рауль снова приподнял шляпу и продолжил путь.

«Чертовщина!» – зло подумал Крестобаль.

Пытаясь не потерять старика в кладбищенских лабиринтах, он двинулся вдоль оград, памятников и надгробных камней. Кто-то окрикнул его позади, но Бруно не обернулся. Обостренное чутье подсказывало ему: «Узнай, куда он идет!»

Ловега шел вроде бы неторопливо, но Крестобалью приходилось почти бежать, чтобы старик оставался в поле его зрения. Под ноги все время что-то попадало, он спотыкался, едва не падал. Окружающие смотрели на него с удивлением.

Когда, наконец, они достигли края кладбища, Крестобаль остановился. Отсюда ему было хорошо видно, как старик Ловега здоровается за руку с каким-то высоким, явно приезжим человеком. Разговор с этого расстояния слышен не был. Тот второй был коротко стрижен, одет в светлый костюм. В руках он держал папку для бумаг.

Старик неторопливо взял его под руку, и они пошли вдоль кладбищенской ограды.

Крестобаль огляделся вокруг. Его вдруг прошиб пот.

«Что за чертовщина? – удивленно подумал он. – Какого дьявола я погнался за ним?»

Бруно попытался определить, где находится, но не смог. Идиотская погоня завела его в совершенно незнакомый уголок кладбища, хотя, казалось бы, это невозможно.

– Где я? – вслух поинтересовался Крестобаль.

– Пока еще в мире живых, – сказал кто-то сзади.

Бруно обернулся и нос к носу столкнулся с человеком в черных очках. Незнакомец сумел подойти вплотную. Он был бледен и худ, но больше всего Бруно напугали, да-да, именно напугали, очки! Глухие, черные, непроницаемые.

Он вскрикнул, сделал шаг назад, споткнулся обо что-то. Упал на спину, ломая цветы и засохшие ветки... Удар о землю вышиб из него дух. Кашляя и задыхаясь в поднявшейся пыли, Бруно вдруг сообразил, что лежит на чьей-то могиле. И всю дорогу до этого бежал по могилам, спотыкаясь о надгробья, сшибая оградки и топча цветы. По мертвецам, по мертвецам...

В суеверном ужасе Кристо вскочил на ноги. И только тут обратил внимание, что вокруг никого нет.

16

– Если предположить, что душа – это основа любого живого существа, то из этого логически вытекает, что, воздействуя на душу, мы воздействуем и на тело, в котором она живет. Душевнобольные живут недолго.

Зеботтендорф, фон Лоос и Генрих сидели в одной из многочисленных комнат особняка.

– Как сказать, – Генрих пожал плечами и повертел в руке толстостенный пузатый бокал. – Многие дауны – долгожители.

Зеботтендорф покачал головой.

– Нет-нет, Генрих, не путайте. Дауны и прочие неполноценные не являются душевнобольными. У них вообще нет души, представьте себе.

– Простите, вы хотите сказать, что научно доказано существование этой самой души?

– Представьте себе, – повторил Зеботтендорф.

– Это сделали вы? – В голосе Генриха проскользнула неприкрытая ирония.

– Нет, не я. – Зеботтендорф сделал вид, что ничего не заметил. – Но имена и фамилии вам ничего не скажут.

– И все же?

– Август Майер.

– Немец?

– Еврей.

– Рудольф! – Генрих рассмеялся. – Как можно?

– Бросьте. Вы же допускаете существование религии, уходящей корнями в семитскую почву. Молитесь их богу и их пророку. Почему же вы не допускаете того, что именно евреи являются наилучшими специалистами в вопросах своей же религии?

– Ну, положим, я не молюсь...

– Не имеет значения.

– Но в целом могу с вами согласиться. Хотя мне непонятно, каким образом вы сделали евреев монополистами на вопросы души.

– Какой же вы ловкач, Генрих! – Фон Лоос радостно рассмеялся. Сегодня он просто лучился весельем и добродушием. – Если вам нужна информация, вы просто меняете тему разговора на ходу. Вызывая у собеседника раздражение, в котором он может наговорить черт знает чего. Прекращайте свои штуки! Вы тут в кругу тех, кого можете считать своими друзьями.

– Ценю ваши формулировки, фон Лоос. – Генрих отсалютовал ему бокалом.

Зеботтендорф обиженно откинулся в кресле, оставил бокал на прозрачный столик.

– Извините, что прерываю ваш обмен любезностями...

– Вы довольно слабый дипломат, Рудольф, – заметил фон Лоос.

– Для этого мне и нужны вы, – парировал Зеботтендорф.

Генрих удовлетворенно улыбнулся. Со стороны Доктора, как он именовал про себя Рудольфа, это был прокол. Нельзя говорить марионетке, что она марионетка. Даже намекать. Впрочем, Лоос этого, кажется, не заметил. Что тоже говорило о многом.

– Продолжайте, продолжайте. Вы остановились на евреях...

– Это вы на них остановились. – Голос Зеботтендорфа стал едким. – А мы пошли дальше!

– И открыли науку о душе? – не смог удержаться Генрих.

– Тьфу на вас!

– Ладно, ладно! Все, больше не буду!

Зеботтендорф решительно встал, прошелся вдоль огромного, забранного декоративной решеткой окна.

– Хорошо, – наконец сказал Доктор. – Продолжим... Работы Августа Майера... Еврея! Генрих молчал.

– Убедительно доказывают существование души как физического явления.

– А почему, простите, о них ничего не известно в... э-э-э... широких кругах?

– Во-первых, официальная наука несколько несерьезно относится к подобным проектам. А во-вторых, эти материалы, его работа, да и вообще все, что касается данной темы, было в свое время изъято. И более того, уничтожено.

– Кем?

– Мной. Август Майер трагически погиб. Не выдержало сердце.

– Чего не выдержало?

– Всего. Но сделать он успел немало. Само по себе доказательство существования души стоит много. Подумайте сами: душа – это такой же орган, как сердце, печень, легкие, его можно уничтожить, заразить болезнью, заменить, излечить... Пересадить, наконец! Представьте, какие открываются перспективы. Это новая, совершенно новая наука. А если учесть, что именно душа является основой жизни человека... Понимаете? Сердце, даже мозг... все это вторично по сравнению с душой. Душа – это ключ ко всему!

– Скорее дверь, – вдруг сказал Генрих.

– Что? Почему вы так считаете? С чего вы взяли?

– Если бы вы овладели ключом, вы бы овладели миром. Но вы только подглядываете в замочную скважину.

– Разве?

– Несомненно. Иначе все выглядело бы по-другому. Перспективу я понимаю. Но пока это лишь перспектива, так, неясное будущее. Что вы можете предоставить в реальности, кроме эффектных фокусов с молодыми людьми в очках?

– Молодых людей в очках, – удовлетворенно кивнул Лоос. – Поверьте, Генрих, это совсем не так мало.

– Тогда не вижу препятствий к вашей цели. Вы, кажется, собирались захватить власть над миром? – Генрих сделал небольшой глоток. Осторожно прокашлялся. Коньяк был, наверное, неплохим, но слишком ароматным. – Все-таки я больше люблю водку.

– Налейте.

Генрих отмахнулся:

– И это сойдет.

Фон Лоос захохотал:

– Вот это я понимаю! Сорокалетний коньяк – сойдет! Вы мне нравитесь все больше.

– Вздор, – проворчал Генрих. – Я не девица, чтобы нравиться. Я полицейский. И у меня сейчас не сходятся концы с концами. Наш профессор пытается мне втолковать, что он владеет ключами к мировому господству, однако сидим мы не в Берлине, и не в Нью-Йорке, и не в Москве... А черт знает где, и трясемся от слова Моссад. Что же не так?

– Черт побери, у вас все так просто! Я говорю вам о научном открытии, о событии, о перевороте в науке! О великих возможностях! Создание атомной бомбы предсказали наши – наши, Генрих, – ученые, но у нас не было возможности воплотить их идеи в реальность.

– Еще бы... – пробормотал Генрих. – Мы занимались астрологией и алхимией...

Зеботтендорф не услышал или сделал вид, что не услышал его слов.

– И только спустя много лет американцы, опять же при помощи наших работ, сумели сделать это страшное оружие. Не все же сразу! Чтобы достичь успеха, нам нужна база, нам нужен материал, финансирование, наконец. Это же не так просто! Вы считаете, что атомная физика – это сложно, а душа – это так... – Зеботтендорф покрутил в воздухе руками.

– Что может быть проще финансирования? – поинтересовался Генрих. – Ваши мальчишки навещают банкира... И готово.

– Генрих! Мы живем в большом мире. В этом большом мире ничто не теряется и не обнаруживается само по себе. Такие, я повторяю, *такие* деньги просто так добыть невозможно. Нам нужны государственные ресурсы. Как людские, так и... все прочие.

– Ах, вот оно что! – пораженно протянул Генрих. Он обвел жестом помещение: – Вот откуда такой бедлам в этой несчастной стране!

– Вы поразительно догадливы, мой друг, – улыбнулся фон Лоос.

– Проблема в том, что этих людей мало. Фактически – только пятеро. Они не созданы мной, они созданы природой, – продолжал Зеботтендорф. – Мое достижение только в том, чтобы раскрыть этих людей. Найти их среди остальных. Среди грязи человеческой, если угодно. Я, увы, не умею создавать их. Я не умею работать с человеческой душой напрямую. Пока. И я не могу рисковать этими, без ложной скромности, драгоценными экспонатами. Нам нужна эта страна! Отсюда мы раскрутим такую мельницу, в жерновах которой будут перемолоты и Москва, и Вашингтон! И все остальные! Но сначала эта богом забытая страна. Сначала она.

– Красиво, очень красиво. Но все равно не ясно, я-то вам зачем?

– Ваш опыт, конечно же, дорогой Генрих! – Фон Лоос отсалютовал ему бокалом.

– Ну и зазомбировали бы меня... В чем проблема? Зачем эти уговоры-разговоры?

– Хм... Видите ли, Генрих... – Зеботтендорф осторожно сел рядом. – Вы почему-то все упрощаете.

17

– Я знаю, что вашим ребятам с нами не по пути, господин Ракушкин. – Рауль Ловега, старик с лицом хитрой обезьяны, которая обставила не одного леопарда, улыбнулся. – Если вы отказались от Че, то и Аргентине ждать нечего.

– Ну, это как сказать. С Кубой...

– Куба крайне выгодно расположена, и поставить на нее ракеты очень заманчиво. Но я бы не желал для Аргентины такой судьбы. Я слишком люблю свою страну.

Антон вытер пот.

После кладбища они направились к Ловеге домой. Теперь Антон и Рауль сидели в маленьком садике, в тени деревьев с широкими листьями. Было жарко. На столике стоял высокий запотевший кувшин, но Ракушкин не пил. Черт его знает, что мог подмешать в сок этот хитрый старичок. Революционеры – народ ненадежный.

– Но вы же понимаете, что... Невозможно добиться успеха, не заплатив за него определенную цену. Мир двуполярен. Так или иначе, но вас вынудят присоединиться к одному из этих полюсов.

Рауль развел руками.

– Да, мир сложная штука. Сложная. Я уважаю Советский Союз, это огромная страна... Надеюсь, мы найдем общий язык. Когда придем к власти.

– Ну, поскольку пока до этого момента еще далеко, может быть, мы обсудим кое-какие общие проблемы?

Рауль налил еще сока и посерьезнел.

– Я могу понять, зачем это нужно нам, но для чего это нужно вам? Раз уж мы планируем сотрудничество, я хотел бы получить ответ на этот вопрос.

– По-моему, это просто. Эта страна похожа на кипящий котел. В этом вареве надо разбираться. Иначе ничего хорошего не выйдет. В сложившемся положении наши интересы совпадают. Я хочу знать, что происходит. Так же, как и вы. Видимо.

– А что вы можете дать нам? То есть я понимаю вашу заинтересованность. – Рауль поставил недопитый стакан на столик. – Но я могу разобраться во всем сам. Или силами... – он едва не сказал «Комитета», но вовремя сдержался, – ...силами нашей организации. Для чего мне привлекать иностранцев? Как бы я ни относился к Союзу, но это другая страна.

– Если бы вы могли разобраться, вы бы уже разобрались. А я предлагаю вам опыт и широкий спектр возможностей, которых нет у подпольщиков. К тому же если мы договоримся, я кое-кого вам... отдам. В качестве подарка.

Рауль прищурился. Антон почти слышал, как в голове старика щелкают и переключаются цепи, просчитываются варианты. «Азартный дедушка, – подумал Ракушкин. – Как он с таким характером до такого возраста дожил, непонятно».

– Что за подарок? – наконец спросил Ловега. Его голос дрогнул, будто надломился.

– Поедем, покажу.

Ловега, ни слова не говоря, поднялся. Легко. Кресло, сплетенное из пальмовых веток, даже не скрипнуло.

Через двадцать минут они были в злополучном переулке на берегу Ла Платы. В свете дня – обычный переулок, в меру грязный, в меру запущенный. Таких в Буэнос-Айресе сотни.

– Итак? – с интересом спросил Рауль.

– Тут ее и убили.

– Знаю.

– Человек стрелял с небольшого расстояния. Отсюда. – Антон показал на камни мостовой. – Двигался с той стороны. И...

– У вас есть доступ к полицейским архивам? – насторожился Ловега. – Или это какой-то спектакль?

– Ни то, ни другое. Ни в каких архивах не значится, что убийца окликнул ее по имени, и если бы она не откликнулась, то, возможно, осталась бы жива. А мы с вами познакомились бы при других обстоятельствах.

Рауль сделал несколько шагов в сторону стены.

– Тут, говорите, он стоял? – Его рука нырнула за пазуху.

Антону было жарко, так что свой серый в полоску пиджак он держал свернутым на локте.

– Нет, – ответил Ракушкин. – Чуть дальше...

Когда Ловега обернулся, его рука замерла на полдороге.

– Не стоит, Рауль...

Ему в живот смотрела черная дырочка ствола. Едва приметная из-за накинутаго на руку пиджака. Серого в светлую полоску.

– Слишком поспешные выводы могут навредить делу. Так что давайте немного доверять друг другу. – Антон медленно опустил пистолет и через мгновение продемонстрировал пустую руку. Куда делся ствол, Рауль так и не понял. Так же как и откуда он возник в руке у русского.

Ловега вынул из-за пазухи белый широкий платок и утер пот. Криво улыбнулся.

– А вы фокусник, господин Ракушкин. Но пока ваши трюки удивляют меня не сильно. Неужели это все, что вы хотели мне показать?

– Нет, это, так сказать, прелюдия, вступление к основному представлению, говоря языком сцены. Знаете, как барабанная дробь, которая нагнетает атмосферу...

– Ах, это. – Старик засмеялся. – Паба-ба-бам!

– Да-да.

– Ну что ж, я весь внимание.

– Пройдемте. Тут недалеко. – Антон сделал приглашающий жест.

– Нет уж, нет уж, после вас! – Ловега шутливо раскланялся.

– Доверие, доверие! – Антон развел руками. – Больше доверия, друг мой.

И они пошли по переулку рядом.

На полу метался человек.

Запрокинув голову, он катался из стороны в сторону, мыча и брызгая слюной. Замызганная одежда, грязное лицо в разводах от слюны.

– Кто это? – брезгливо поинтересовался Рауль.

– Вообще-то, – Антон привалился плечом к стене подвала, – я предполагал, что это скажете мне вы.

– С какой стати? – Ловега осторожно отошел к двери.

– Не бойтесь. Он сейчас безопасен.

– Сейчас? То есть вы... он у вас уже давно?

– Нет. Недавно.

Рауль как-то странно посмотрел на Ракушкина. Тот поймал его взгляд и хмыкнул:

– Господин Ловега! Вы имеете дело с СССР, а не с нацистской Германией. То, что он в таком состоянии, не моя заслуга. Я не имею к этому отношения. Поверьте, пара ударов по ребрам не сведет с ума даже человека, чрезвычайно склонного к шизофрении. А это именно то, что я мог себе позволить в отношении человека, который застрелил Леонору.

– Он?!

– Он.

Рауль подошел ближе и всмотрелся в сумасшедшего.

– Почему я должен вам верить?

– Ну, могу предоставить вам пистолет. Отпечатки пальцев... Все это очень просто проверить.

– Так же просто, как и сфабриковать.

– У меня есть свидетели, но это вас не удовлетворит, как мне кажется. Однако, увы, больше ничего я вам предоставить не могу. Кроме своего честного слова. Это тот самый человек. Я встретил Леонору там, в переулке. Мне нужна была информация.

– Она не могла быть вашим агентом.

– Она и не была. Но могла бы им стать. Если бы не он. – Ракушкин указал на лежащего.

– А если предположить, что это вы убили Лео, потом свели с ума этого... кем бы он ни был. Или подобрали юродивого, по случаю. А затем разыграли этот спектакль, чтобы...

– Чтобы что? – поинтересовался Антон. – Не слишком ли сложно? Я мог бы предложить вам денег или пригрозить... Или еще что-нибудь попроще.

– Деньги и угрозы хороши на короткий срок, для долговременного сотрудничества необходимо то, о чем вы так много говорите.

Антон вопросительно поднял брови.

– Доверие. – Рауль отошел от заключенного, провел рукой по стенам подвала. – Я знаю этого человека. И когда я видел его последний раз, сумасшедшим он не был. Интересно, господин Ракушкин, что же из нашего сотрудничества выйдет...

18

– Это один из крупных функционеров местной ячейки, – говорил Рауль, осторожно выводя сумасшедшего из подвала. – Аркадио Мигель, кажется, так его звали. – Он потряс психа за локоть. – Аркадио, ты слышишь меня?

Тот только мычал и закатывал глаза.

– Я думаю, его надо отвести в нашу клинику. Может быть, там ему сумеют вправить мозги...

– Если честно, сомневаюсь. – Антон открыл дверь черного хода. – Судя по тому, как все произошло... Я вообще не уверен, что с этим можно что-то сделать.

– А кстати, как все произошло? – поинтересовался Ловега.

– Ну, про убийство я вам рассказывал. – Они вышли во дворик. Антон указал в сторону арки. – Нам туда. А вот что касается сумасшествия этого... Как вы сказали, Аркадио?

– Да-да...

– Так вот, с этим совсем странно. После выстрела мы скрутили его.

– Как-нибудь особенно гуманно? – с иронией спросил Рауль.

– Нет. – Ракушкин открыл скрипучую решетку и пропустил Аркадио и Рауля вперед. Кованые ворота с грохотом захлопнулись. Антон щелкнул ключом. – Совсем нет. Если вас интересуют подробности, я могу показать. Позже. Но предупреждаю, *самбо* нам преподавали очень толково.

– Надеюсь, не придется...

– В общем, он потерял сознание. Но это не могло быть поводом. Когда он очнулся... – Антон показал на Аркадио. – Вот что мы увидели.

– Сейчас должна подъехать машина. А там будет видно... – Рауль вздохнул. – Будет очень жаль, если не удастся вернуть его. Он мог бы кое-что рассказать...

– В принципе... – Ракушкин не договорил.

Аркадио Мигель, до того безучастно стоявший около стены, вдруг вздрогнул. Обернулся. Антон встретился с ним взглядом и мог бы поклясться, что в этот миг увидел глаза совершенно здорового человека.

Ракушкин опоздал буквально на секунду. Мигель, ни слова не говоря, кинулся вниз по улице. Следом неся Антон, выкладываясь на полную катушку. Где-то позади ковылял Рауль. Подъезжала машина. Ловега что-то крикнул, махнул рукой, старенький «Форд» коротко рыкнул и дернулся следом за убегающим. Но поздно...

Впереди уже маячила набережная канала.

Антон, понимая, что сейчас произойдет, ускорил бег, стараясь в броске дотянуться до одежды беглеца. Однако тот рывком преодолел оставшееся до ограды расстояние и легко, словно всю жизнь тренировался, перемахнул через нее. Взметнулись брызги.

Антон сорвал пиджак, сбросил туфли... Глубокий вдох он сделал уже в полете.

Вода была холодной и черной. Противно заливалась в уши.

Он погрузился глубоко и сразу принялся загребать руками, уходя еще глубже. Но Аркадио нигде не было. Когда легкие стали разрываться от недостатка воздуха, Антон вынырнул. Едва оказавшись на поверхности, он нырнул снова. И перед самым всплытием он увидел в мутной черноте светлое пятно...

На набережной шумел народ. Кто-то взволнованно метался у чугунной ограды, не зная, что делать, кто-то пристально всматривался в воду, некоторые особенно горячие личности уже стаскивали с себя одежду. Нырять, впрочем, никто не осмелился. И когда Антон показался на поверхности вместе с Аркадио Мигелем, в толпе раздались аплодисменты. Рауль и еще двое с ним уже суетились на лестнице, что вела к воде. Крепкие руки подхватили сначала Аркадио,

а потом и Ракушкина. Кто-то перевернул Мигеля на живот, стараясь вылить воду из легких. Начали делать искусственное дыхание. Антон, тяжело дыша, наблюдал за этими действиями.

– Надо бы в больницу, – забеспокоился Ловега.

– Не надо... – тихо выдохнул Ракушкин.

– Почему?

– Он мертв... Совсем мертв.

– Но ведь еще можно откачать!..

– Нет, – Антон поднялся. Какой-то восторженный мужчина подал ему пиджак и туфли. –

Нет. Он умер. Думаю, еще в полете. Вы можете отвезти его в больницу, чтобы удостовериться в моих словах.

Ни слова не говоря, Рауль махнул своим людям, и они потащили тело в «Форд». Следом залез и Ловега.

– А вы? – спросил он Ракушкина.

– Езжайте! – махнул тот. – А после больницы я буду ждать вас на улице Дефенса. Там есть замечательное кафе. Около Музея национальной истории...

– Хорошо!

Хлопнула дверца. Машина зарычала и уехала, оставив после себя мерзкий запах бензина.

19

– Помните Первую мировую? – спросил Зеботтендорф у Генриха.

– Ну, вы спросили! – Тот рассмеялся. – Я помню историю.

– Дело-то не в войне как таковой, а в том, что ей сопутствовало.

К вечеру похолодало, и они переместились на веранду. После дневной жары вдыхать прохладный воздух было приятно. К тому же молчаливые слуги фон Лооса принесли замечательные чесночные хлебцы к полусырому мясу, которые Генрих очень любил. Они напоминали ему Баварию, хотя в тамошней кухне не было ничего подобного. Странная и нелогичная ассоциация.

– Что же?

– Болезни. Раны. Все эти смертельные игрушки: бомбы, пули, газы, мины – все это порождало огромное количество возможностей для хирурга. И вспомните, с чем мы и весь мир начали эту войну и с чем мы ее закончили!

– И тут же ввязались в следующую... – добавил фон Лоос задумчиво.

– Да-да! – согласился Зеботтендорф. – Один год войны сделал для хирургии больше, чем десятилетия мирной жизни. Несколько лет кошмара и хаоса тогда позволили нам нынешним получить высококачественную хирургию, действенные антибиотики, анестезию... Вспомните! Как раньше было? Удар молотка через деревяшку, и пациент в отключке! А сейчас...

– К чему вы клоните, Зеботтендорф? К тому, что война – это двигатель прогресса?

– А вы собираетесь с этим спорить?

Генрих покачал головой.

– А наши лагеря?! – Рудольфа раздражала пассивность фон Лооса в разговоре. – Вы вспомните, вспомните...

– Боже упаси. Я посетил Освенцим лишь однажды и до сих пор пытаюсь забыть...

– Не получается? – поинтересовался Генрих.

Фон Лоос покачал головой.

– Да кончайте вы! – разозлился Зеботтендорф. – Все выставляют немцев палачами! А кто, по-вашему, двигал науку, прогресс?!

– Неужели комендант Майданека? – изумился Генрих.

– Мы проводили опыты! Опыты, понимаете? Важные для науки! Хотите вы или нет, но именно благодаря таким людям, как Менгеле, человечество достигло всего того... – Он покрутил в воздухе руками, словно бы охватывая все достижения мировой науки в целом. – ...Того... чего оно сумело достичь! Даже выход в космос!..

– Рудольф... – Фон Лоос печально вздохнул. – Я лично знал Менгеле. Это был редкий говнюк.

Зеботтендорф пожал плечами.

– Это не имеет значения. Те же опыты проводили и русские, к слову сказать.

– Только делали это на добровольцах, – ответил Генрих.

– А вы-то откуда знаете?

– Знаю. – Тот пожал плечами. – Несмотря на то, что вы говорите, вряд ли кто-либо из еще живых ученых Третьего рейха с удовольствием признает, что пользовался результатами исследований, полученных в Аушвице.

– Не важно! – Зеботтендорф потерял запал и бухнулся в кресло. – К чему я это все говорил?

– Да-да. Мне тоже интересно. – Генрих налил себе апельсинового сока, подсел к вкусно пахнущим хлебцам и мясу.

- И мне! – поддержал его фон Лоос.
- Я вспомнил! – Зеботтендорф радостно поднял палец.
- Да ну? – удивился Генрих с набитым ртом.

Фон Лоос радостно рассмеялся.

– Ну вас к черту! – беззлобно отмахнулся Рудольф. – Слушайте. Война позволяет прогрессу двигаться вперед семимильными шагами. И сейчас мы с вами находимся в той стадии, в какой находилась медицина, а конкретнее хирургия, в 1914 году. Припоминаете?

– Ужас... – равнодушно ответил Лоос.

– Вот именно. Мы хирурги душ! Но мы едва-едва сумели разобраться, какие органы важны, а какие несут только вспомогательную функцию. Едва-едва научились резать. И зашивать. Еще даже не умеем подавлять воспалительные процессы... – Зеботтендорф замолчал, глядя на жующих Лооса и Генриха. – Мы даже еще не умеем удалять гной! Грязь! Вонь!

– Тьфу! – Фон Лоос оттолкнул тарелку. – Идите вы к дьяволу, чертов доктор!

Генрих продолжал невозмутимо жевать.

– Удивляюсь вашему спокойствию, дорогой Генрих! – Фон Лоос встал, прошелся по веранде. Налил себе сока. Попробовал. Сердито выплеснул его в кусты и взял в руки бутылку с коньяком. – Гадость какая. Неужели нельзя без этих подробностей, черт побери?!

– Я просто хотел, чтобы вы прочувствовали уровень, – спокойно пояснил Зеботтендорф. – Уровень и серьезность вопроса. Поэтому и прибегнул к этой малоаппетитной метафоре. Приношу свои извинения.

Фон Лоос раздраженно сел в визгливо скрипнувшее кресло.

– Итак, я продолжаю? – поинтересовался Рудольф.

– Да, конечно. – Фон Лоос махнул рукой. – Простите, не сдержался.

– Итак, мы находимся в начале пути. В самом начале. Душа для нас все еще тайна за семью печатями. Одно отличает нас от всех остальных: мы знаем, что душа не только существует, но на нее можно воздействовать. Это знание дорогого стоит, поверьте. Кое-что мы умеем, но пройдут не то что годы... Пройдут столетия, пока мы, наконец, достигнем нужного уровня.

– Собираетесь прожить еще сто лет? – спросил Генрих. Он прищурился на Зеботтендорфа. Старик выглядел в лучшем случае на шестьдесят.

– Нет! Но и ждать не хочу. Никакой постепенной работы! Нам нужен рывок! Понимаете? Рывок, возможность жертвовать сотнями жизней, тысячами! Нам нужен материал для работы!

Генрих осторожно отодвинул тарелку. В задумчивости он водил руками по столу. Правая рука задержалась на столовом ноже. Не меняя положения, он обернулся и посмотрел на Зеботтендорфа.

– Вам нужен свой личный Аушвиц, доктор?

– Мне нужна возможность работать. И только война позволит мне... Позволит мне совершить революцию в науке. Таковую, о которой можно только мечтать. Понимаете? – Он наконец посмотрел на Генриха. – Бросьте, старина! Вам не к лицу роль моралиста. Неужели, осуждая человека, вы не догадывались, куда он попадет? Ха! Ни за что не поверю...

– Осуждал его не я. Я только делал свою работу... Работу полицейского, – тихо ответил Генрих. – Делал, как мог. Но вы правы. Знал. Все знал.

– Ну, так чего же? Победителей не судят!

Генрих отодвинулся от стола.

– Что-то я потерял аппетит.

– Еще бы. – Фон Лоос вытащил из кармана сигару, понюхал ее, с наслаждением закурил. – Наш доктор отобьет желание жить у любого. Но поверьте мне, все не так уж плохо, как кажется на первый взгляд. Когда я впервые увидел его работы, не поверите, Генрих, чуть не вырвало.

Но, оказывается, во всем этом есть и положительные стороны. Например... – Он похлопал себя по животу. – Я прекрасно себя чувствую, хотя мне уже чертова туча лет. А все он.

И фон Лоос ткнул пальцем в Зеботтендорфа, который раскланялся с деланным кокетством.

– Это действительно важное открытие. И это действительно путь к власти. К настоящей власти. Над всем этим гнилым миром!

20

Напротив Музея национальной истории разбит парк. Один из самых больших в Буэнос-Айресе, он стал традиционным местом для встреч влюбленных парочек и почему-то несанкционированных студенческих манифестаций. По негласному договору с властями города студенты превратили это место в аналог английского Гайд-парка, но свобода слова и поведения не распространилась далее витой чугунной ограды.

Парк Лезама находился между двумя крупными проспектами и двумя небольшими улицами – Дефенса и Бразиль. Как раз на углу этих двух улочек и располагалась кафе «Монтерей», из-за столиков которого удобно было наблюдать за происходящим в парке. В меню этого заведения входили даже небольшие театральные бинокли, подававшиеся с фирменным коктейлем «Наблюдатель». Поскольку молодым парочкам не свойственна особенная осторожность и стеснительность, то посмотреть часто было на что.

Антон выбрал это место не случайно. Вход в кафе был расположен так, что войти незаметно не имелось никакой возможности, а в случае особенно крупных неприятностей можно было достаточно легко взобраться на крышу соседнего здания, для чего, как бы случайно, со стены свешивалась старая, но крепкая металлическая лестница.

Ко всем прочим удовольствиям в «Монтерее» хорошо кормили. Помимо традиционных для Латинской Америки блюд, Аргентина имела свои особенности и отличия. Итальянские эмигранты привили этой стране сильную любовь к макаронам, и за аргентинцами закрепилась стойкая слава главных макаронников Южной Америки. Однако близость океана тоже давала себя знать. Одни только креветки готовились поварами Буэнос-Айреса более чем по пятидесяти различным рецептам. А уж по поводу гаспачо, холодного супа из помидоров, огурцов и прочей зелени, между ресторанами шла необъявленная война, каждый шеф-повар считал именно свой рецепт наилучшим.

Впрочем, у каждого ресторана, бара или любого другого питейно-закусочного заведения было свое «самое-самое». Так, в «Монтерей» готовили самые-самые сочные асадо, запеченные на углях говяжьи ребра. У посетителя, который, попробовав местные асадо, не выражал бурного или хотя бы сдержанного восторга, будущего в этом кафе не было. Толстый и важный главный повар лично стоял в дверях кухни и ревниво следил за лицом человека, которому принесли это «самое-самое» блюдо.

Поговаривали, что одного клиента, который выразил мнение, что вареный рулет из говядины с овощами, матамбре, в соседнем ресторане готовят лучше, чуть не побили. Объявив его сразу провокатором, марксистом и правительственным шпиоком.

Антон сидел за дальним столиком и пил кофе, заваренный по местной традиции до состояния жидкого асфальта. Несусветная горечь, от которой сердце начинает бешено колотиться и в ушах шумит. В употреблении этого напитка Ракушкин находил какое-то особенное мазохистское удовольствие.

Мимо, не торопясь, проехала знакомая машина. Антон сделал еще глоток и посмотрел на часы. Через четыре минуты ровно в дверях появился Рауль Ловега. Светлый костюм, неизменная шляпа, тросточка. Ни дать ни взять дедушка какой-нибудь аристократической семьи, которая ведет свой род если не от самого де Гарая, то от каких-нибудь испанских грандов, с этим самым Гараем приплывших. Впрочем, это обманчивое впечатление рассыпалось, как карточный домик, стоило только взглянуть на руки Рауля. Широкие ладони, узловатые длинные пальцы и мозолистая ладонь человека, привыкшего трудиться с детства.

Антон поднял руку. Ловега кивнул и направился к нему, тяжело опираясь на трость. Появившийся словно из-под земли официант получил заказ на кофе, поскучнел лицом и исчез.

Здороваясь со стариком, Антон приподнялся.

- Сидите-сидите. – Рауль тяжело опустился на стул.
- Что-то с ногой? – поинтересовался Антон.
- Не стоило мне с вами бегать. – Ловега криво улыбнулся. – Поясница... А ведь когда-то я телегу поднимал на спор. Представляете? Старость все-таки гадкая штука. Она делает человека слабым.
- Старость – это понятие духовное. Тело – это механизм, который просто изнашивается, но если за ним ухаживать должным образом, то оно может работать достаточно долго.
- Ого. Этому вас учили там, в Союзе?
- Меня много где учили. – Антон улыбнулся. – Иногда я учился сам.
- Принесли кофе. Ракушкин поднял брови:
- За сердце не бойтесь?
- А вы? – Ловега кивнул на почти пустую чашечку Антона.
- Для меня это своего рода тренировка. Знаете, как какой-то римский император принимал каждый день немного яда, сделав таким образом свой организм более устойчивым к популярной в то время отраве.
- Интересный подход. – Рауль одним глотком ополовинил чашечку. – Но я уже в том возрасте, когда бояться особенно нечего.
- Антон допил кофе, осторожно собрал гущу в ложечку и отправил в рот. Ловега удивленно на него посмотрел, но ничего не сказал.
- Студенческая привычка, – пояснил Антон. – Какие у вас новости?
- Рауль пожал плечами и сел вполборота.
- «Не доверяет», – подумал Ракушкин.
- Аркадио умер.
- Ну, это я знал сразу. А от чего?
- Сердце. – Рауль кинул быстрый взгляд на Антона и снова принялся рассматривать парк, где только-только зажглись вечерние огни. По освещенным дорожкам прогуливались парочки. – Все как вы сказали. Сердце. И только потом вода. Доктор вообще сказал, что, если бы не вода в легких и не мой рассказ да куча свидетелей, он бы вообще решил, что Аркадио умер... Ну... Пару дней назад.
- Как так? – Антон удивленно посмотрел на Рауля. Потом поднял руку, щелкнул пальцами, привлекая внимание официанта. Показал на кофейную чашечку и бодро постучал по горлу жестом, понятным во всем мире.
- А вот так... – Рауль играл желваками. – Доктор врать не станет, я его знаю давно. И он меня знает. – Ловега замолчал, завидев приближающегося официанта.
- С подноса на стол переключались еще одна чашечка кофе и две рюмки золотистой тростниковой водки. Антон взял тоненькую рюмочку, предложил Раулю. Тот помялся, но принял.
- Выпили, не чокаясь. Огненная жидкость с горьковатым привкусом трав обожгла язык.
- Доктор даже пытался объяснить, – продолжил Рауль, отдышавшись. – Какие-то там... ткани. Признаки. Я ничего в этом не смыслю, но его мнению я верю. Таким образом, у меня к вам два вопроса, господин Ракушкин.
- Всегда готов ответить на все ваши вопросы.
- Антон отметил, что в заведение вошли два высоких индейца. Сели за крайний к дверям столик, блокируя выход. Похоже, Ловега заявился с охраной.
- Откуда вы знали, что он мертв?
- По-вашему, я не видел трупов? Я тащил его из воды, помните? Живые люди, даже нахлебавшиеся воды... Как бы это вам объяснить?.. Совершенно другие ощущения.
- Я понимаю.
- Вы по-прежнему подозреваете меня в том, что я убил Аркадио Мигеля?
- Ну, возможностей у вас было предостаточно. А мотив...

– Мотив не важен. Не думаете же вы, что он кинулся в канал, чтобы сбежать от нас вплавь? Это по меньшей мере глупо. И потом, чтобы уцелеть, достаточно было остановиться где-то в людном месте. Убивать его на глазах у стольких свидетелей... – Антон покачал головой. – Какой был второй вопрос?

– Я задам его позже, – ответил Рауль, допивая кофе. – Тем более что это сейчас не имеет значения. Получается так, что вы загнали меня в угол, Антон.

– Разве? – Ракушкин удивленно поднял брови.

– Да-да. Теперь у меня не остается другого выхода, как сотрудничать с вами.

– С чего такая уступчивость?

– Дело в том, что я вам немного наврал. Сказал, что в моем возрасте бояться нечего. Однако это не так. Я беседовал с людьми, которые знали Аркадио. Много проверил. Видите ли... Я боюсь за все наше движение. И есть определенные люди, с которыми мне в одиночку не справиться. А полагаться на... Комитет я сейчас не могу. Уже не могу. Поэтому как ни грустно, но я вынужден принять вашу игру.

– Это слишком мрачно звучит! – Антон замахал руками. – Можно сказать проще. У нас с вами есть общие интересы. Вы хотите избавить своих людей от опасности, а я очень хочу разобраться в том, что происходит. Я помогаю вам, вы помогаете мне. Ничего страшного в этом нет.

21

Пока нацистские бонзы, избежавшие суда, строили планы, скручивая людскую натуру в упругую плеть, вполне пригодную, чтобы гнать ленивое человечество вперед еще пару тысячелетий... Пока монтонерос во имя свободы собирали на своих подпольных заводах смертоносные машинки и печатали листовки... Пока офицер ГРУ играл в словесные игры с хитрым стариком, знающим слишком много, чтобы спокойно жить... Пока советский журналист вдохновенно набивал на старенькой машинке главы для своей книги о знаменитом команданте... Пока огромный Буэнос-Айрес жил, надеялся, веселился, страдал, умирал и рождался в лучах заходящего солнца...

На балконе президентского дворца стояла немолодая женщина. Позади нерешительно маялись телохранители. Уже только за это их следовало бы выгнать к чертовой матери, но... Буэнос-Айрес лежал перед ней, слишком красивый город, чтобы отрываться от него ради такой глупости. К тому же Изабелла Перон, вдова покойного президента, мадам-президент, как называли ее за спиной, была слишком мягкой женщиной. Слишком мягкой для того поста, который она занимала. Газеты открыто смеялись над ней. Марксисты безнаказанно кидали бомбы и убивали. Военные... Вот военных Изабелла не любила. И с удовольствием превращала их в публичное посмешище, изгоев, отодвинув подальше от столицы, загнав в самые дальние гарнизоны, оставив в Буэнос-Айресе только гвардию и целиком полагаясь на полицейский аппарат.

Она запуталась в интригах. Она устала маневрировать между интересами иностранцев и своими собственными. Она перестала узнавать министров в лицо, так быстро они сменяли друг друга: сажаешь одного коррупционера, тут же на его месте объявляются еще трое. Она не спала трое суток, пытаясь распутать кровавый клубок событий, последовавших после взрыва в парке Колон. Но ниточки ускользали из ее рук... Ускользали. На столе в белом кабинете лежали три ультиматума, составленные тайной полицией, гвардией и профсоюзами – последние были, и об этом знали все, официальным представителем монтонерос в правительстве.

В сказочном городе, где некогда был такой дивный воздух, стало нечем дышать. Будто горло сдавила чья-то железная перчатка.

Позади тихонько кашлянули.

Изабелла вздрогнула, обернулась.

– К вам генерал Видела... – Лицо смутно знакомое, кто-то из канцелярии. Кто? Она не смогла вспомнить. Похож на хорька.

– Пошлите его к черту.

– Это невозможно...

Хорек испуганно обернулся.

– Почему?

– Я уже здесь.

На балкон вышел генерал. Крупный, сухой, высокий. Подстриженные усы лихо заворачиваются вверх. Короткие седые волосы, горбатый острый нос. Ни дать ни взять Кларк Гейбл. Если бы не сабельный шрам через левую щеку.

– Сеньора!

Короткий поклон и щелчок каблуками. Мундир сидит как влитой, ни складочки лишней. Изабелла с раздражением подумала, что не может ни к чему прицепиться. Одет почти идеально... Почти – только потому, что вдова президента ненавидела военную форму.

– Врываетесь без приглашения, генерал?

– Другого способа я не вижу. Мое прошение об аудиенции остается без ответа третий раз.

– Разве?

– Тот лепет, которым меня кормит ваша канцелярия, я не рассматриваю в качестве ответа.

Изабелла замолчала и отвернулась.

Видела встал рядом, окинул город взглядом. Площадь перед президентским дворцом. Открытая, неудобная, такую легко запереть пулеметным огнем. К дворцу и близко не подойдешь. Дальше – улицы, дома. Высотки. Плацдармы. Рубежи. Корпуса. Объекты. Закатное солнце делало город опасным, переменчивым. Удлиняло черные тени, словно специально маскируя удобные огневые точки. Хороший город. Генерал любил его. Как любят старый, надежный и испытанный полигон.

– Я знаю, как вы относитесь к военным, сеньора. И не стал бы портить вам и себе замечательный вечер.

– Если бы не что?..

– Вы и сами прекрасно знаете. Объяснение моему появлению в ваших покоях можно уложить в одно слово.

Изабелла даже не пошевелилась.

– Это слово – Аргентина.

– А я думала – деньги... .

Шрам на лице Виделы дернулся, будто живой.

– Насколько я знаю, бюджет на этот год уже утвержден и беседовать с вами о его пересмотре бесполезно. На нужды армии выделено... .

– Сколько необходимо! – Изабелла подошла к перилам и стукнула по холодному мрамору кулачком.

Генерал поправил усы и промолчал. Первой не выдержала вдова президента:

– Если вы пришли клянчить у меня не денег, то чего же?

– Я оставлю без внимания ваш тон и скажу просто: страна находится на грани развала. Вы упустили бразды правления из своих рук, да, если быть откровенным, никогда их и не держали как следует... .

– Ха! А вы, стало быть, знаете, как их нужно держать?!

– Это не важно. Имеет значение только то, что вот-вот произойдет переворот. И я ничем не смогу помочь законной власти.

– У меня есть гвардия и полиция. Армия – это... в лучшем случае пережиток. А в худшем... .

– Либеральные бредни! – От такого рыка президентские телохранители вздрогнули и едва не вытянулись по стойке смирно. – Не более чем вздор! Когда марксисты придут к власти, поверьте мне, вам будет не до смеха. Если вы не можете навести порядок в стране, то найдутся силы, которые готовы воспользоваться этим.

– Неужели я уже назначила вас шефом тайной полиции? – Изабелла всплеснула руками. – Как же я не углядела такой талант сразу?! Мои донесения... .

– Вранье, от первого до последнего слова... .

– Не нужно делать из меня дурочку! Не забывайте, с кем вы разговариваете, наконец! – Она в ярости обернулась к Виделе. Тот спокойно смотрел ей в глаза. – Что вы принесли, генерал? Я вижу, у вас бумаги... .

– Прошу.

Изабелла приняла из рук Виделы толстую кожаную папку.

– Очередной ультиматум?

– Скорее соображения по выходу из кризиса.

Она криво усмехнулась и сказала тихо:

– Очередной ультиматум... Я уже читала что-то подобное. Вчера мне принесли «соображения» от профсоюзов... Позавчера от комитета национальной гвардии... Да-да, не удивляй-

тесь, генерал, комитета! Так и сказали... До этого меня завалила бумагами тайная полиция. Просто странно, что в стране столько умных людей, а толку от них никакого нет... И все, буквально все знают, что мне делать. Этого не знаю только я. – Она взвесила в руке папку генерала. – Ваш труд наиболее весом. – Изабелла положила бумаги на край балкона. – Вы простите меня, генерал. Я всплила и наорала на вас зря. Это просто нервы и тяжелый день. Несколько дней. Много-много тяжелых дней. Я понимаю, что происходит в стране, генерал... Но что я могу сделать? Лишить их, – она махнула на город, где уже зажглись вечерние огни, – свободы? – Это анархия. Ради свободы мы должны остановить анархию, сеньора! Изабелла закрыла лицо руками. Сжала виски тонкими пальцами. – Я изучу ваши бумаги, генерал. Я обещаю...

22

– На ночь глядя я бы туда не отправлялся, – сказал фон Лоос, поправляя ворот бело-снежной рубашки. – Но вам, Генрих, будет интересно. Тем более у вас, видимо, нервы крепче моих. Сказывается опыт.

Генрих неопределенно хмыкнул, глядя, как Зеботтендорф о чем-то договаривается по телефону.

– Я, в общем-то, составляю вам компанию, – продолжал Лоос и залпом допил коньяк.

– За компанию и жид удавился... – пробормотал Генрих.

– Как?! – обрадовался Лоос. – Как вы сказали?

– Это такая пословица. Русская.

– Удивительно! Определенно, есть что-то общее...

– В чем? – Генрих посмотрел вслед нетвердо шагающему Лоосу.

Тот подошел к столику, налил себе еще коньяка, лихо крутанулся на каблуках и едва не упал.

– В нашем с ними мировоззрении...

– С русскими?

– Да!

– Вам кажется. Просто слово «жид» сбilo вас с толку. Кстати, не боитесь напиться?

Лоос отмахнулся.

– Боюсь не напиться! Вы все сами поймете, когда сходите на экскурсию с нашим доктором.

– Все так плохо?

Фон Лоос хмыкнул и вдруг спросил:

– А откуда вы знаете русские пословицы?

– Пришлось выучить. Для общего образования.

Лоос погрозил Генриху пальцем и засмеялся. Хотел что-то сказать, но тут Зеботтендорф грохнул телефонной трубкой по аппарату и в раздражении сказал:

– Все готово! Можем ехать!

– Что-то не так? – поинтересовался Генрих.

– Да. Германская привычка разводить бюрократию и наводить порядок везде и всюду!

– Разве это плохо?

– Это прекрасно! Но, черт побери, если я – Я! – хочу посетить лаборатории и показать результаты своих экспериментов кому-то еще, почему я должен проходить через все эти... бумажные завалы?! У вас тоже так было?

Генрих развел руками.

– Порядок во всем. Это чисто германский девиз.

Зеботтендорф раздраженно крякнул и посмотрел на Лооса.

Тот пьяно пожал плечами и сказал:

– Я тут ни при чем. Со своей стороны я сделал все. Машина нас уже ждет. А уж пропуска, бумажки – извините, Рудольф. Сами. Сами.

– Хорошо. Едем.

Генрих напрягся. Но его надеждам не суждено было сбыться. Машина стояла в гараже, а наглухо задраенные специальными шторками окна совершенно не позволяли увидеть что-либо вокруг. В конце концов, он даже не знал, находится ли в Буэнос-Айресе или же его в бессознательном состоянии отвезли к черту на кулички.

Основательно подвыпивший фон Лоос оказался болтлив. Слушая его неумолчную трескотню, Генрих считал про себя секунды, прикидывая по звуку двигателя и тряске скорость автомобиля. Все-таки хоть какой-то ориентир. На случай чего...

– Вас что-то беспокоит? – вдруг спросил Зеботтендорф.

– Да, – честно ответил Генрих.

– Что же?

– Вы, Рудольф. И ваши идеи.

Доктор усмехнулся и хитро посмотрел на него.

– Но вы же понимаете. За этими идеями будущее. Будущее.

– Разве это повод, чтобы радоваться?

– Но причастность к истории разве вас не будоражит?

Фон Лоос продолжал болтать, уже не обращая внимания, что его никто не слушает. Генрих наклонился к Зеботтендорфу:

– А как по-вашему, должен ли Третий Ангел радоваться тому, что причастен к Апокалипсису? Будоражат ли его звуки собственной трубы?

Зеботтендорф откинулся на спинку кресла.

– Никогда бы не подумал, что вы мистик.

Генрих промолчал, складывая секунду за секундой. Учитывая неточность подсчетов, получалось, что лаборатории расположены километрах в двадцати пяти от виллы, где жил фон Лоос. Машина двигалась ровно, что говорило о неплохом качестве дорог и малом количестве поворотов. Скорее всего какое-то загородное шоссе.

Лоос наверняка очень бы удивился, если бы узнал, что Генрих вспомнил еще одну русскую пословицу. На безрыбье и рак – рыба.

– Приехали, – объявил Зеботтендорф, открывая дверцу.

Машина стояла в точной копии гаража, откуда минут двадцать назад выехала.

– Вы уверены? – спросил Генрих.

– Абсолютно! Прошу сюда. – И Зеботтендорф двинулся к неприметной двери в стене. –

Прошу-прошу! Будьте как дома...

– Не дай бог... – пробормотал фон Лоос и махнул водителю: – Жди тут, мы скоро.

Дверь вела в длинный коридор, бежевые стены которого освещались яркими светильниками. Пахло краской и еще чем-то. Сладковатым. Очень неподходящий запах для такого места.

Ладан.

«Чертей отгоняют?» – подумал Генрих и усмехнулся.

Шли долго. Коридор плавно спускался вниз, чуть заворачиваясь спиралью. Несколько раз проходили через посты, где хмурые и молчаливые люди осматривали их бумаги и открывали решетку, перегораживавшую коридор.

– У вас все серьезно, – прокомментировал Генрих.

– А вы еще не поняли? – В голосе Зеботтендорфа читалось удовлетворение.

– И все это под боком у аргентинского правительства... Как они терпят?

Зеботтендорф ухмыльнулся и покосился на Генриха с некоторым злорадством.

– В вас нет размаха!

Они подошли к последней двери. Простая фанерная дверь, крашенная белым...

– Это самая большая тайна всего двадцатого века! – торжественно сказал Рудольф. – И вы к ней причастны, господа!

Он толкнул дверь и вошел.

Генрих посмотрел на фон Лооса, тот скорчил постную мину и кивнул.

То, что располагалось внутри, поражало воображение. После тесного коридора – огромное помещение с яркими, свешивающимися сверху большими лампами. Под скрывающимся в

темноте потолком, увидеть который Генриху не удалось, что-то шелестело, кажется двигалось. Большое, массивное.

Дверь, через которую они вошли, вела на небольшую решетчатую площадку, которая, как трибуна, возвышалась над колоссальным залом. Даже отсюда невозможно было разглядеть противоположные стены. Ряды клеток из крупных прутьев уходили вдаль. Проходы между ними пересекались, образуя целые улицы. На каждом перекрестке курилась дымом большая чаша с благовониями – совершенно чуждая этой помеси концлагеря и медицинской лаборатории. Вдоль стен располагались отделенные друг от друга занавесками операционные. Сверху были хорошо видны хирургические инструменты, специальные столы, какие-то шкафы со склянками внутри.

– Добро пожаловать в Храм Покоренной Души! – воскликнул Зеботтендорф.

Генрих поморщился.

– Что за патетика?

Рудольф пожал плечами:

– Пошло, конечно. Понимаю. Но это только пока...

Они спустились вниз.

– Сюда... – Зеботтендорф показывал путь. – Тут все разбито на улицы. Это как бы город, понимаете? Каждая улица указывает на тот аспект души человека, который изучается. Улица Страха, улица Любви... Понимаете? Вот тут у нас улица Подчинения. И есть еще улица Тела. Там исследуются вопросы воздействия души на тело и наоборот... Очень интересные эксперименты. А сейчас я вам представлю своих воспитанников.

Он остановился на одном из перекрестков. Генрих обратил внимание, что клетки вокруг них пусты.

– Алеф...

Генриха как током ударило. Из пустоты, из воздуха, буквально из ничего, вышел бледный человек в черных непроницаемых очках.

– Бет...

Второй...

– Гимел!

Третий.

– Далет!

Четвертый. Похожие друг на друга как братья. Бледные, будто из них выкачали всю кровь. Они появлялись из воздуха, становились вокруг, глядя перед собой безо всяких эмоций.

– Хе! Вав!..

Всего шесть. Белые халаты. Черные очки. Почему-то Генриху бросились в глаза их руки. Вытянутые, явно длиннее, чем у обычного человека, с крепкими узловатыми пальцами.

– Я назвал их буквами еврейского алфавита. Из уважения к доктору Майеру. – Зеботтендорф засмеялся.

Генрих всмотрелся в лица.

«А вот этого я, кажется, помню, – подумал он, глядя в лицо последнего. – Уже встречались».

– Очередные люди будущего?

– Нет, Генрих! Единственные люди будущего! Единственные! Это не расовая теория, нет. Это не выдумки Геббельса. Это наука! Наука делает человека обычного человеком будущего. Только она, а не какие-то там рассказы об избранном народе. К слову сказать, доктор Майер искал душу не во всех людях. Одной из целей, которую он преследовал, было найти душу в одних и обнаружить ее отсутствие в других. Вы понимаете?

– Да, звук старой погремушки узнаешь сразу. – Генрих осматривался с явным интересом. – Для чего эти клетки?

– Для материала, конечно. Пойдемте дальше, я покажу.

И они двинулись по какой-то из улиц, сопровождаемые безмолвным конвоем из людей будущего.

– Вот любопытный экземпляр. Смотрите. Я подобрал его на улицах Сантьяго. И поверьте, это не моя работа. Я только подправил кое-что... – Зеботтендорф махнул рукой в сторону ближайшей клетки.

Генрих поначалу ничего не увидел, но потом в дальнем углу обнаружилась скрюченная фигурка. Обнаженный мальчик. Нет, он не был похож на узников концлагеря, никакой изможденности, худобы. Но глаза... В глазах его было нечто, заставившее душу Генриха похолодеть. И теперь в слове «душа» он увидел особый смысл.

– Обычный мальчик, – рассказывал Зеботтендорф. – Самый обычный. Ничего особенного. Вполне разумен. По-своему образован. Но есть один нюанс. Это улица Страха...

– Чего же он боится?

– Раньше боялся боли. Панически. До истерики. Но я кое-что подправил. – Он подошел к клетке и позвал: – Хорхе, подойди.

Мальчик послушался.

– Дай руку.

Генрих прищурился. Ладонь парня была розовая, молодая.

Зеботтендорф щелкнул зажигалкой и поднес огонек к ладони мальчика. Вверх потянулся дымок, запахло паленым. Мальчик безучастно смотрел на чернеющую ладошку.

– Дьявол! – воскликнул Генрих. – Что вы делаете?! Он что, не чувствует боли?

– Чувствует! – Зеботтендорф откровенно радовался произведенному эффекту. Убрал огонь, мальчик принялся рассматривать свою ладонь. – Но, обратите внимание, он не боится боли! Не боится! Это само по себе удивительное открытие, друг мой. Именно страх, страх увечий заставляет человека избегать боли. Бояться ее, потому что боль сигнализирует о возможных увечьях. Но уберите страх, и вот оно, готово! Почти идеальный солдат!

– Что же, он теперь ничего не боится? – спросил Генрих, глядя на мальчика, который внимательно разглядывал обожженную руку. Один из людей в очках дал ему мазь, видимо от ожогов, и теперь мальчик втирал ее в рану. Представив, какую боль сейчас должна испытывать его ладонь, Генрих сморщился.

– Почему же не боится? Боится. С удвоенной силой. Я не смог изъять страх из его сознания, да и согласитесь, это было бы слишком опасно. Я просто изменил его. Теперь он боится одного слова. Вот смотрите. – Зеботтендорф обернулся к клетке и громко крикнул: – Буга!

Мальчик рванулся с места. Такой реакции Генрих не видел никогда. Пациент скачком преодолел расстояние до противоположенной стены и, не сбавляя хода, врезался лбом в прутья решетки. Брызнула кровь. Тело без сознания упало на пол.

Зеботтендорф засмеялся.

– Продолжим осмотр?

23

Возвращались в молчании. Лоос был на удивление трезв, смотрел прямо перед собой и иногда закрывал глаза, словно хотел спать. Зеботтендорф остался в лаборатории. Генрих же снова считал секунды и старался угадать, с какой скоростью движется машина.

Когда дверцы открылись, фон Лоос спросил:

– Выпить не хотите?

– Еще?

– Не знаю, как вы, но с меня всякий хмель слетает, когда я вижу эти... научные опыты.

Генрих внимательно посмотрел на него.

– Я вас не понимаю... Это что? Неумелая провокация? Но я не вижу в ней смысла. Или вам действительно не по душе все эти сатанинские аттракционы? Тогда почему вы вообще здесь? Что за игра?

Лоос взял его под локоть и повел в кабинет:

– Не могу пить один. Хотя чаще всего так и приходится делать. С Рудольфом это почти невозможно. Он слишком привязан к своим... приборам. Не может говорить ни о чем, кроме науки и прогресса.

Они вошли в кабинет. Лоос зажег настольную лампу, запер дверь.

Генрих уселся в большое мягкое кресло. Лоос в это время чем-то гремел под столом.

– Да где же оно?

– Что вы потеряли?

– Бутылку для особых случаев, – приглушенно ответил фон Лоос.

Наконец откуда-то была извлечена черная бутылка без этикетки и два стакана.

– Отрава? – поинтересовался Генрих.

– Мне бы вашу выдержку... – Лоос зубами выдернул пробку. По кабинету тотчас разнесся крепкий запах сивухи.

– Точно отравла... – пробормотал Генрих, но стакан принял.

– Это единственное средство, которое помогает мне заснуть. – Фон Лоос отсалютовал стаканом и опрокинул спиртное залпом.

Генрих с любопытством рассматривал его реакцию, затем отставил выпивку в сторону.

– У меня еще старое не выветрилось, – вздохнул он и после паузы поинтересовался: – Скажите, Лоос, на кой черт вам все это нужно?

– Что – все?

– Ну... – Генрих махнул рукой куда-то за спину. – Вы же не какой-нибудь сумасшедший головастик вроде Зиверса. К тому же вам откровенно не по нутру...

– Если вы про опыты Зеботтендорфа, то... – Лоос откинулся в кресле и закинул ноги на черную блестящую столешницу. Это далось ему с трудом, но Генрих позавидовал про себя, такой фокус в его возрасте был невозможен. – То я действительно от них не в восторге. Я также был не в восторге от Освенцима, Майданека и Бухенвальда. Я был не в восторге от вас и вашей работы. И от фюрера... И от Геббельса. И от этой чертовой войны! А уж наши союзники... Впрочем, это вы и сами прекрасно знаете.

– Знаю.

– И война мне не по вкусу! – Лоос махнул рукой. – Я бы предпочел сидеть где-нибудь на берегу Рейна. Пить пиво. И есть сосиски! Да! – Он почти кричал. – Сосиски! Наши германские сосиски! И чтобы мне подавала их блондинка в переднике с вот такими вот, – Лоос показал, – вот такими вот сочными грудями!

Он грохнул кулаком об стол и ненадолго замолк. Генрих терпеливо ждал.

– Но когда в тридцатом моя жена умерла от гриппа... Когда я, фронтовик, не смог найти для нее лекарств... А наши дети смотрели на меня... Вы ведь помните, Генрих, вы должны помнить эти глаза?! Глаза немецких детей, которым нечего есть? А их сосед по улице, державший мясную лавку!.. – Лоос сжал кулаки и зажмурился. Стиснул зубы. Потом тяжело вздохнул и продолжил: – После той войны не было на свете человека, который бы больше меня ненавидел стрельбу, запах пороха и крови... Не было. Но когда фюрер сказал, что нужно воевать, я первым встал и заплодировал. Потому что он сказал, что мы должны воевать, чтобы накормить наших детей, чтобы лечить наших жен. Чтобы старики не умирали, как бродячие псы. От голода и холода, когда продажное, чужеродное правительство продает Великую Германию коммунистам. Я встал и хлопал в ладоши, как ребенок! Но душа моя, Генрих, рыдала. Потому что я не хотел воевать. Я слишком хорошо помнил, как это делается.

Генрих хотел что-то сказать, но Лоос замахал руками.

– Я знаю, знаю! Германия повержена. Фюрер сошел с ума и застрелился. Мы с вами тут. Борман... хитрая свинья, спрятался так, что...

– Его схарчили евреи.

– Мартина?

– Да. – Генрих кивнул. – Но об этом никто не знает. Тель-Авив заплатил за это такую цену... Что предпочел молчать. Бормана им выдали американцы. После известных событий...

– Не знал. – Лоос налил себе еще. – Мы с ним, знаете ли, были дружны...

– Я в курсе.

– Ну что ж... Значит, Мартин ушел... Германия разделена, война принесла нации горе, лишения, все тот же голод и русские бомбежки. Я знаю, все знаю. Но дело в том, Генрих, что я знаю еще кое-что.

– Что же?

– У нас не было другого выхода! Иной конец был еще страшнее и скоротечнее... Намного, намного страшнее.

– А сейчас?

Лоос молча разглядывал черную бутылку.

– Я понимаю вас тогдашнего, но сегодня... Что вами движет?

– Как там говорят американцы? Мимо каждого проскачет лошадь удачи...

– Но не каждый сможет на нее вскочить.

– Вот-вот! – Лоос отставил бутылку. Тяжело поднялся с кресла. – Я больше ничего не умею, Генрих. Мое призвание – воевать. Моя цель – завоевать мир.

– Методами Зеботтендорфа. – Генрих протянул руку и поводил под ней воображаемой зажигалкой.

– Тьфу на вас! Вечно вы все испортите... – Фон Лоос досадливо сморщился. – Думаете, видели все? Доктор еще не водил вас по ранним стадиям. И киноматериалы не показывал. Вот когда мать душит своего ребенка по приказу... и смеется – это страшно.

– Я одного не понимаю. Разве нельзя добиться этого же с помощью простого гипноза?

– Во-первых, нельзя, а во-вторых, гипноз – это каменный топор... Таблетки, химия, гипнотизеры... Вы наверняка видели людей, жрущих траву?

– Архивные киносъемки? ЛСД?

– Да. Только к ЛСД это не имеет прямого отношения, просто ранние работы над той же тематикой. И, к слову сказать, они уплыли от нас за океан. Как и секрет атомной бомбы. Теперь этими материалами будут пользоваться американцы. Если, конечно, смогут расшифровать. – Фон Лоос хохотнул. – Для рекламы какой-нибудь кока-колы и окончательного оболванивания человечества. На работах Зеботтендорфа всегда можно было хорошо подзаработать. Добавлять какую-нибудь дрянь в гамбургеры! И делать общество потребления обществом повышенного внушения! Представляете?

– Ну, на сосиски и домик на Рейне хватило бы...

– Нет-нет. Вы же сами видели. С помощью этого можно только воевать. Так честнее, чем торговать *этим*! Так что отвечая на ваш вопрос – да, я хочу завоевать мир! Хотя многим после Гитлера кажется, что это безумная утопия, но... – Лоос развел руками. – Посмотрите вокруг! Посмотрите на Штаты! На русских! Что-нибудь изменилось? Я – честный солдат! Я честно говорю вам: моя цель – весь мир! Разве это плохо?

– А не боитесь, что Зеботтендорф вас просто переиграет?

Лоос засмеялся.

– Конечно! Конечно, мой дорогой Генрих! Конечно, боюсь! И очень!

– А что он там нес про какое-то пророчество?

– Точка всех начинаний? Это один из наших проектов. Видите, как я откровенен с вами, Генрих?

– Это меня даже пугает.

– Вы нужны нам, нужны.

– Для чего? Только не начинайте снова про собеседника... – Генрих взял стакан и принюхался к жидкости внутри. Запах сивухи чуть выветрился, алкоголь пах странно и незнакомо.

– Опыт, друг мой. Огромный опыт. Вы вряд ли откажетесь занять пост премьер-министра? Или... – Лоос щедро махнул рукой. – Пост первого друга диктатора?! Как угодно! Правила будем писать мы сами!

– А точнее?..

– А точнее! – Лоос со стуком поставил стакан на стол. – А точнее, вы понадобится мне со всем своим опытом, знаниями и умениями, когда Зеботтендорф задумает скovyрнуть меня на обочину! Вот так! И поверьте, я действительно нуждаюсь в вашей помощи. Поэтому, запомните, именно поэтому вы не будете клиентом Зеботтендорфа и не станете его... подопытным кроликом. Как бы он сам этого ни желал!

«А если ты перестанешь во мне нуждаться?..» – подумал Генрих.

Он одним глотком выпил спиртное и обжег гортань.

– Я согласен.

24

Неделя выдалась сложной. Властями были арестованы несколько активных и хороших ребят. Вскоре охранка вышла на полуподпольную типографию, печатавшую листовки. Закрывать не посмела, но изъяла весь тираж и опечатала склады. Кристоаль Бруно подсуетился, и профсоюзы объявили о грядущей забастовке, если не будут отпущены мученики свободы и не будет разрешена работа типографии. В подконтрольных монтонерос газетах журналисты-леваки подняли хай, обвиняя власть во всех смертных грехах. Публиковались репортажи о зверствах, пытках и подложных обвинениях. Слабые попытки Главного прокурора оправдаться не были услышаны.

Тот факт, что обвинение не было предъявлено, а заключение предварительное, в расчет не брался. Да и кому оно интересно? Журналист отработывал свои деньги. Газета стремилась получить прибыль, подавая новость под наиболее пикантным углом. Монтонерос хотели вытащить своих парней из-за решетки, пока те не начали болтать лишнего с перепугу. А Министерство печати не имело сил для того, чтобы заткнуть рты тем газетам, которые проплачивались марксистами. Собственно, оно не могло заткнуть рот никакой газете, даже если бы та принялась публиковать поддельные снимки Изабеллы Перон в обнаженном виде.

«Угнетатели», с которыми активно боролись революционеры, на самом деле были просто... паразитами. Они сосуществовали с аргентинским народом, сосали кровушку, стригли купоны и не думали ни о чем, кроме прибыли и уровня жизни, понимая, что в случае чего они всегда успеют прыгнуть в теплые кресла самолетов.

Президента Перона любил народ. Многие еще помнили, как он повышал зарплаты и пенсии, выкупил у англичан железные дороги и принял новую Конституцию взамен старой, не менявшейся уже более ста лет. Его любили денежные мешки за то, что он не удавил рынок и провел индустриализацию. Его все любили. Пока держалась экономика, получившая после Второй мировой огромные вливания... Потом страна начала стремительно нищать. К власти пришла хунта, которая, окончательно развалив все, что можно было развалить, упростила Перона вернуться в страну. Где он и умер. Оставив в наследство своей второй жене государство, более всего похожее на идущий вразнос паровой котел. Различные партии тянули одеяло на себя. Аристократия старательно сосала соки. Классовая пропасть увеличивалась. Но революция... Сладкое и страшное слово... Революция не охватывала своим пламенем отсыревшие человеческие поленья. Народ устал и страдал чаще от действий самих революционеров, чем от угнетения, о котором так громко кричали марксисты.

Неделя выдалась тяжелой. Кристоаль метался от ячейки к ячейке, не доверяя никому. Сам возил деньги. Договаривался, убеждал, грозил. Надиктовывал заготовки статей. Писал письма. Бюрократический океан поглощал его с головой. Сдавливал, душил. И когда посреди очередного вала бумаг вдруг поступило сообщение о том, что военные части, расквартированные в провинции, выдвинулись к столице... Бруно обрадовался. Это было действие. Настоящее, честное действие. Борьба не бумажная, а реальная. То, чего он всегда хотел и к чему стремился.

Правда, был еще Комитет...

И до тех пор, пока Комитет не решит, ничего не произойдет.

В маленькой накуренной комнате было тесно. Люди сидели чуть ли не на головах друг у друга. Да еще старик Ловега приволок странного высокого парня, отрекомендовав его надежным человеком. Тот сидел в углу, под книжными полками, с трудом уместаясь на узком табурете, и разглядывал всех с неподдельным интересом новичка. В его сторону настороженно косились, и Кристоаль этим гордился. Люди старались не говорить прямо, называя взрыв

акцией, проектом. Бомбу – объектом. Каким бы надежным ни был новенький, каким бы авторитетом ни пользовался Рауль Ловега... осторожность следовало соблюдать.

Сперва Крестобаль зачитал донесение нескольких наблюдателей, которые сообщали о передвижении войск и царящих внутри армии настроениях. Агент, человек в целом надежный, гнал удивительную пургу о «правительственной пропаганде», «офицерских зверствах», «солдатне» и пугал общей готовностью войск подавлять, угнетать и душить. Эти слова, такие пустые, такие нелепые, казенные, почему-то производили на собравшихся удивительное впечатление.

Невозмутимость сохранял только, пожалуй, Антон Ракушкин, подпиравший макушкой покосившиеся книжные полки. Остальные монотонно вскакивали, стучали кулаками по столу, взволнованно восклицали что-то... Антон подумал даже, что находится на каком-то нелепом, специально для него разыгранном спектакле. Но нет... Искренность, вот что он видел в глазах этих людей. Неужели стандартная агитка, к тому же неумело составленная, может так зажечь этих людей?

После донесения Крестобаль выступил с собственной речью, составленной значительно более умело и тонко.

– В момент, когда страна находится на грани развала, когда действия новых аристократов довели ее до полного обнищания и только решительные меры могут спасти нас от окончательной колонизации силами империализма, наше правительство все еще цепляется за власть! Вместо того чтобы добровольно уступить ее более молодым, энергичным и, главное, знающим нужды простых аргентинцев людям. Нам! Но нет! Власть держится за кресло, за прогнившие идеи, пытается заигрывать с мировыми корпорациями. Скудеют наши недра, наши компании идут с молотка, а людей вышвыривают на улицу! Многим нечем кормить детей, а в столице праздники и фестивали проходят один за другим. Да, слава богу, мы сумели показать им, что простому люду сейчас не до праздников, не до карнавалов и гуляний. Сумели! Но ответ не заставил себя ждать. Погромы, облавы и убийства! Погибли наши товарищи. Полиция хватается на улицах всякого, показавшегося им подозрительным. Это террор! И вот теперь он будет опираться на солдатские штыки. Да! Солдаты такие же аргентинцы, как и мы! Но тем хуже их преступление! Они идут против своего народа, против себя. А это уже настоящее предательство, товарищи. То, что невозможно простить!..

Слушали его внимательно.

Ракушкин наклонился к Раулю и прошептал:

– Парень жонглирует фактами, как матерый циркач.

Ловега вздрогнул, словно давно позабыл о существовании Антона за своей спиной. Отвернулся от докладчика.

– С одной стороны – да, но с другой стороны – это хорошая агитационная работа. Посмотрим, что же он предложит...

– По-моему, и так ясно... – Антон увидел, как сощурился Рауль. – Все, все. Не вмешиваюсь, как и договорились.

Кресто продолжал:

– Мы давно ведем агитационную работу в армии. Наши люди глубоко проникли в ряды солдат и даже офицеров. Есть свои ячейки и на Юге, и в северных провинциях, где расположены казармы. С сожалением я должен констатировать слабую вовлеченность солдат в революционную борьбу. Виновата ли в этом недостаточная активность наших агентов? Не знаю. В любом случае ясно, что опираться на армию сейчас может только правительство! А значит, солдат – наш враг. И враг движется к Буэнос-Айресу! Что же нам делать?!

И то ли померещилось Антону от духоты... То ли просто не рассмотрел он этого человека раньше... Но в противоположном углу, сразу же за спиной Крестобалья Бруно, встал вдруг кто-то. Высокий. Бледный. В очках.

Антон хотел было рассмотреть этого человека повнимательней. Наклонился вперед. Увидел, как бледная рука с неестественно длинными пальцами поднимается вверх, трогает черные очки... Вот-вот снимет!

Книжная полка неожиданно просела. Ракушкин дернулся, подхватил падающие книги. А кто-то в комнате уже вскочил и закричал:

– Да взорвать их к чертовой матери!

– Да! Да! – закричали со всех сторон. – Бомбу им!

Все повскакивали, принялись голосить. Вытащили на стол карту и, пока Антон расставлял книги по местам, принялись что-то чертить, стучать по столу, зазвучали какие-то незнакомые названия...

Когда Ракушкин наконец оторвался от разваливавшейся полки, никого, подходящего под описание, в комнате не было, а дверь оставалась закрытой на засов.

Антон осторожно нагнулся к сидящему неподвижно Ловеге.

– Рауль... – Он дотронулся до плеча. – Рауль...

Ракушкин заглянул в лицо старика и обмер. Глаза Ловеги закатились, лицо посинело, на губах выступила пена.

– Раулю плохо! – крикнул Антон. – Врача!

25

Солдат аргентинской армии – это парень, одетый в зеленое. На голове его американская каска, в руках бельгийская винтовка «FN-FAL» образца 1949 года. Старенькая, но не такая уж глупая машинка. На поясе висят фляга и нож. В нагрудном кармашке – фотография черноволосой Изабеллы или Марии, от улыбки которой замирает сердце. Под гимнастеркой крест на цепочке.

Солдат аргентинской армии – это парень, который хочет поваляться в постели и помечтать о чем-нибудь приятном. Лучше о женщинах. Он ленив, так же как и другие солдаты. Не любит начальство, но уважает своего сержанта. Хоть тот и орет, брызгая слюной, но все равно он такой же, свой. Просто забот у него больше.

Солдат аргентинской армии не читает газет и тихо дремлет с открытыми глазами, когда офицер специального отдела зачитывает всем очередной агитационный листок. Солдат аргентинской армии – этот Педро или Хуан – хороший парень и не желает воевать. Он не хочет обижать старушек на рынках, участвовать в облавах, тащить людей в застенки, дубасить прикладом манифестантов, патрулировать мертвые улицы в комендантский час.

Еще он очень не хочет стрелять в аргентинцев. В таких же, только почему-то других.

Но солдата аргентинской армии никто и никогда не спрашивал, чего он хочет, а чего нет. Как и всех других.

По пыльной дороге, которая ведет из Пуэрто-Мадрин в Кордову, через Буэнос-Айрес двигалась колонна. Десять грузовиков с солдатами, два американских бронетранспортера «M113» впереди и один сзади. Перед бэтэрами шел открытый джип с офицерами и стрелком-пулеметчиком, который мирно дремал на заднем сиденье.

Утро выдалось жарким. Солнце, несмотря на ранний час, уже всю палило, накаляя брезентовый тент и превращая внутренности грузовика в подобие духовки. Многие солдаты сняли каски, положив их между ног, тяжело дышали. Сержанты порывивали в том смысле, что каску надо держать на голове, а не под задницей, но не настаивали, потому что у некоторых что голова, что задница...

Залатанная форма, старые винтовки и отчаянно гремющий двигатель у замыкающего БТР, механик которого сильно удивлялся, что эта таратайка вообще завелась.

«Правительство не имеет денег на вас!» – гаркнул на построении офицер. Хотел что-то добавить, но махнул рукой. Злой, как черт.

К чему он это? Зачем колонна движется к Буэнос-Айресу? Да туда ли они едут?

Вряд ли кто-то знал ответ на этот вопрос, а спросить... Ну кто же станет задавать офицеру вопросы? Впрочем, очень скоро отвечать на них стало некому.

Под городком Трес-Аройос офицер покинул часть, как и полагается настоящему солдату. Его разорвало в клочки!

Взрывом джип подбросило в воздух и отшвырнуло в сторону, на обочину, где детонировали баки с горючим. Шедший следом БТР вильнул в сторону, нырнул в глубокий кювет и там остановился. Механик-водитель был тяжело контужен.

Грузовики встали как вкопанные. Кто-то упал в проход, кто-то выбил себе зубы о ствол винтовки.

И тут ударил второй взрыв. В середине колонны. Между двух стоящих близко машин.

Осколки, камни и пламя ворвались под раскаленный тент, убивая и калеча. Другой грузовик отбросило в сторону, разворотив кабину и оторвав голову водителю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.